

Урожайный Детский

Валентина Андреева

КЛЮЗК

от Сладкого
Низа

Валентина Андреева

Ключи от седьмого неба

«АСТ»

2014

Андреева В. А.

Ключи от седьмого неба / В. А. Андреева — «АСТ», 2014

Ну кто бы мог подумать, к чему приведет мелкая ссора между супругами Ефимовыми? Из ничего! А результат плачевный: четыре бессонные ночи и четыре беспокойных дня, в течение которых чета Ефимовых вместе с приятельницей Ирины Натальей являлись не только свидетелями, участниками, но и заложниками невероятных, пугающих событий. Все началось с вынужденной поездки хирурга Ефимова к своему бывшему пациенту Станиславу Полетаеву. Черда неприятностей поджидала еще по дороге. Странная личность, обнаруженная в болоте, подозрительное гостеприимство Полетаевых, сбор по ложному вызову родственников Стаса и их постоянное рысканье по дому в поисках денег и драгоценностей добавили загадок. А главный фактор ужаса – черда несчастных случаев с обитателями коттеджа. Случившееся было бы страшно, если бы... не смешно.

© Андреева В. А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	11
3	16
4	22
5	27
6	32
7	37
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валентина Андреева

Ключи от седьмого неба

© Андреева В.А.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Нечисть болотная

1

– Бред! Какая свадьба в пятьдесят лет, да еще у людей, давно связанных между собой официальными брачными отношениями?! – искрился возмущением мой муж, меряя шагами коридорное пространство, соединяющее кухню с прихожей. Громкость возмущенных речей мужа то нарастала, то затихала по мере движения.

Проснувшись, я сразу поняла, что не выспалась. Ох, не надо было с вечера сидеть до двух ночи, пялясь на экран телевизора. Расслабилась от предстоящего двухнедельного отпуска.

«Хорошо хоть руки не распускает, просто оттягивает ими карманы спортивных брюк. Умный человек Дмитрий Николаевич!» – тайком порадовалась за себя. В свое время сделала правильный выбор. Как истинный умник, Димка учится на чужих ошибках, в основном на моих. Помнится, в момент последней вспышки своего негодования я столь активно размахивала руками, что снесла искусственную пальму, скромно притулившуюся в уголке прихожей. И тем пустила настоящую пыль в глаза семейному коллективу.

– Насколько мне известно, не так давно Полетаевы изображали из себя счастливую супружескую чету. В моем кабинете, – продолжал возмущаться Димка. – Притворялись? Была такая мысль. Интересно, когда они успели развестись, чтобы обрести повод снова пожениться? На старости лет, а? И зачем разведенным супругам в обнимку позировать фотографу на территории клиники? Хотя и непрофессиональному. Я имею в виду случайного пацана на костылях. А фото, надо полагать, сделано на память о скоропостижном и безболезненном разводе, имеющем целью новый праздник бракосочетания. Машина, на которой они отправились в загородную резиденцию, была затарена под завязку. Не иначе как имуществом, подлежащим разделу. Поделят до нового свадебного торжества поровну и заживут гражданским браком. А то и с новыми вторыми половинами, но одной сплоченной шведской семьей. Дурь несусветная!

Очередной раз проводив взглядом мужа в краткосрочную «командировку» к вешалке, я попыталась коротко и разом ответить на все его вопросы. Для начала скорректировала возраст Полетаевых. Во-первых, им по сорок пять, а это еще не пятьдесят и не «на старости лет», во-вторых, о разводе речи вообще не шло. Свадьба у супругов наверняка серебряная да и отмечаться будет только через полторы недели. Не далее как час назад Дмитрий Николаевич лично не смог вразумительно отболтаться от приглашения Полетаевых на это мероприятие. Спрашивается, что мешало соврать? А теперь весь этот час носится, рассыпаясь словесной пылью. Хуже пальмы. От нее просто обчихаешься, а от него взвыть хочется и, мотая головой, долго-долго топтать ногами. Попытка вразумить мужа удалась. Застыв на пару секунд с открытым ртом, Димка с честью вышел из неприятной ситуации, свалив всю вину на меня. Я же говорю: умный человек.

Если бы не тупое состояние необъяснимой апатии, царившее в душе еще с вечера, я бы рассердилась. Да и сообщнице пальме пора потряхнуть стариной и поверхностным содержимым. Не зря Димка на нее покосился. Помнит «эскадрон гусар летучих», который, по его словам, я, будучи в сердцах, одна заменила.

– Иришка, ну ты же знаешь, я терпеть не могу подобные мероприятия. Тем более что у меня есть некоторые сомнения... впрочем, это нас не касается. Может... тебе одной поехать? – неуверенно предложил он, пытливо вглядываясь в мою бесстрастную физиономию. – Или с

Натальей. Посидите для приличия пару часиков и домой. Скажешь, что меня срочно вызвали в клинику.

– Запросто, – вздохнула я. – Только доверенность оформи.

– Какую доверенность?

– Наверное, генеральную. Ну, в том плане, что я в каждой бочке твоя полномочная затычка. Полетаев именно твой пациент. Помнится, ты ему мозги вправлял почти сразу после автомобильной аварии. Что-то у тебя, родной, не заладилось. Надо было так вправить, чтобы он к тебе в друзья не набивался. С какой стати мне вообще туда ехать, да еще одной?

– Не одной, а с Натальей. По большому счету именно она всю кашу заварила.

Я промолчала. Не могу сказать, что Димка полностью прав, но внушительную лепту в организацию серебряного мероприятия подруга внесла. Свадьба ее идея. А дело было так.

Несмотря на успешно проведенную операцию, ручаться за полноценную жизнь Станислава Аркадьевича Полетаева никто из медперсонала не мог. Более того, лечащий врач посоветовал его чудом выжившей жене Валерии готовиться к худшему. Прямо над беспомощным телом мужа. Самому Стасу, месяц находящемуся в коме, сей приговор очень не понравился. Позднее он на полном серьезе уверял, что все происходящее вокруг него слышал и даже пытался врачу возразить. В том плане, что не настолько он плох, чтобы не врезать ему по физиономии, но ничего не получилось. Однако Валерия радостно отметила шевеление мизинца на его левой руке. Увы, врач это не подтвердил. Просто посмотрел на Валерию с жалостью.

Отчаявшаяся женщина, практически не вылезавшая из клиники, явилась на очередную консультацию к заведующему хирургическим отделением Ефимову Дмитрию Николаевичу, непосредственно оперировавшему Полетаева. Пав ему в ноги, умоляла дать рецепт какого-нибудь чудодейственного лекарства, способного возродить любимого мужа к жизни. За любые деньги. Несмотря на возражения молодого лечащего эскулапа, она была уверена, что у мужа есть прогресс – шевелился мизинец.

Удариться в рекламу такого универсального и совершенно бесплатного средства спасения больного, как «Вера, Надежда, Любовь», Ефимов не успел – вошел сам источник негативной информации. Дмитрий Николаевич мигом перевел стрелки внимания на него и отчитал беднягу по полной программе, предложив ему выгодную должность в кладбищенской похоронной команде. Вне конкурса. Тщательная контрольная проверка состояния Полетаева ничего утешительного не дала. Вечером эту историю в несколько сжатой форме, но с неугасающим возмущением Димыч поведал нам с Натальей.

Я искренне посочувствовала незнакомым супругам Полетаевым и сунулась в Интернет с тайным намерением найти обнадеживающие факты реального возвращения коматозников с пути на тот свет. Цель – поддержать в незнакомой измученной Валерии «Веру, Надежду, Любовь», о которых так и не успел поведать ей Дмитрий Николаевич. Все равно собиралась заехать к мужу.

Наталья своими планами не делилась, но охотно согласилась составить мне компанию. По ее загоревшимся глазкам было понятно: подруга что-то задумала, но рассекречивать не собирается.

Делиться с Валерией, дневавшей и ночевавшей рядышком с мужем, интернетовским откровением из врачебной практики мне не пришлось. Едва успели познакомиться. Пользуясь временным отсутствием на местах медперсонала, Наташка незамедлительно увлекла нас к обмотанному проводами и датчиками Станиславу и выдала такое, что я напрочь лишилась дара речи.

– Лера, не знаю, говорил ли тебе кто-нибудь помимо мужа о твоей исключительной привлекательности, – бодро начала подруга.

Если бы я могла возразить... На мой взгляд, Валерия выглядела, мягко говоря, страшненькой. Отдающее зеленому скукоженное личико совсем не украшали черные круги под глазами. Бледные губы жили самостоятельной жизнью. Перед тем как что-нибудь вымолвить, они начинали дрожать. Волосы скрывало сплошное безумие – яркий аляпистый платок. Из-под него выбилась непокорная прядка волос с проседью. Скорее всего, женщина вообще не смотрела на себя в зеркало.

– Ну и к чему так убиваться? – бездумно вещала Наташка ошалевшей страдальце. – Я тебе в два счета такого жениха найду, счастьем своему не поверишь! До свадьбы все заживет. Зачем мучиться из-за этого бесчувственного Буратино? Разлегся тут... слегка одушевленным поленом. Балдеет. А что ему?.. Кормят, поят. Вон, капельница полнехонька. Ишь, морду наел! И вообще ни один муж не может считаться кровным родственником. Только дети. Давай собирайся. Здесь рядышком такая кафешка!

Я пребывала в полной растерянности, а на Валерию вообще было жутко смотреть. Обезумевший взгляд словно приклеился к лицу мужа. А он... он в упор смотрел на нее вполне разумными глазами.

– Я же говорила, что до свадьбы все заживет, – тихо, ласково, но испуганно проворковала Наташка. – Сразу поняла, мизинцем он не зря шевелил – пытался врачу кулак показать. Мой сеанс психотерапии удался. Вот тебе, Лерочка, и обещанный жених. Технически оснащенный. Весь в проводах и датчиках. Можно сказать, рожденный заново. Осталось только свадьбу сыграть. Серебряную.

Не знаю, как долго тараторила бы подруга, давясь близкими слезами, если бы я не поняла смысл тихих причитаний Валерии. Женщина боялась, что очень положительная динамика в состоянии мужа мигом сменится отрицательной, стоит ей только покинуть свой пост у его кровати. Вдруг он решит, что по Наташкиной рекомендации замуж побежала. Срочно требовался врач. За ним мы с Натальей и попятимся. Задом к двери, где нас встретили добрые руки хирурга Ефимова. С их помощью мы быстро и безболезненно преодолели расстояние от палаты до лифта. Что он при этом говорил, не важно. Словом, мы не обиделись, потому как не слушали.

Возродив Полетаева к жизни, Наташка обрела в его лице, мягко говоря, скрытого недоброжелателя. При единственной встрече он с напрягом изобразил на жутко опухшем лице благодарное радушие, а позднее высказал жене крайнее недовольство ее общением с подстрекательницей к измене еще живому мужу. У обиженной Валерии хватило ума пожаловаться на него Наташке. Обругав себя за очередное доброе дело, подруга с Полетаевыми больше не встречалась. А я тем более. Наше знакомство вполне можно было считать шапочным.

Станислав Аркадьевич Полетаев по этому поводу, похоже, несколько не расстраивался. Для расстройства вполне хватало других. Главные из них – частичная, но весомая потеря памяти и несколько замедленный процесс мышления, что не позволило ему вернуться на свое рабочее место руководителя небольшой фирмы. Утешал оптимистический прогноз специалистов на будущее. Делами фирмы временно заправлял заместитель Полетаева. Человек надежный и грамотный.

Валерия избегала даже телефонных контактов с нами. А вот к Дмитрию Николаевичу у Полетаева было особое отношение. Покинув клинику, Стас регулярно навещался к нему на консультации, хотя необходимости в них не было. Сказывались нелады с головой. Выписан он был под наблюдение врача поликлиники. Единственное, в чем нуждался Полетаев, – небольшая пластическая операция, дабы избавиться от шрамов на лице – следов многочисленных порезов и рваных ран от осколков стекла. Но Полетаев с ней не торопился – операция не являлась жизненно необходимой и требовала очень больших денег. Станислав же Аркадьевич, руководствуясь постулатом «настоящего мужчину шрамы украшают», неоднократно зазывал Дмитрия Николаевича в гости, намекая на широкое застолье. Мало того, не привлекая меня

в союзницы, настойчиво предлагал совместные заграничные поездки на отдых, обещая ему райское наслаждение. В результате надоел Димке до такой степени, что он перестал списывать настырную привязчивость пациента на повышенную возбудимость как следствие серьезной травмы головы. В продолжение темы муж застенчиво и потихоньку ругал Наталью, стараниями которой Полетаев слишком рано вышел из комы. В конце концов хирург Ефимов перешел на строго официальное общение с Полетаевыми, которое Станислав успешно игнорировал.

– Ирина, ты меня вообще не слушаешь?

Вздвигнув от громкого голоса мужа, я спохватилась и уверенно заявила, что обдумываю его предложение.

– А приготовить омлет просто так, без обдумывания, нельзя?

– Нельзя. В нем много холестерина.

– Ну так я и один готов пострадать, а ты побереги, побереги себя, милая. Просто у тебя он получается вкуснее.

– Тогда страдай по полной программе: сам готовишь, сам холестеринишься.

Зря я это сказала, да еще таким тоном! Уж лучше бы призналась, что не слушала его монолога. Но вопреки тревожным ожиданиям скандала не получилось. В полном молчании Димка устроил показательные выступления под лозунгом «Не пропаду!». Вместо угрызений совести я почувствовала холодное раздражение, а потому встала и ушла в другую комнату. Раздвоение личности началось сразу, как только прилегла на диван. Одна моя половина активно возмущалась моим вызывающим поведением, провоцирующим скандальный междусобойчик на пустом месте, вторая под воздействием несвойственной мне хандры упрямо придерживалась позиции пофигизма: «Ну и пусть!»

Честно говоря, я не думала, что Димка хлопнет дверью и покинет поле пассивной брани. Минут десять я смаковала обиду, жалея себя с необузданной силой. Следом пришел черед трезвых рассуждений и полное непонимание оснований, по которым мне следовало себя жалеть. Последняя неделя выдалась у мужа особенно тяжелой, его отделение было переполнено жертвами несчастного случая на дороге. Почти полный автобус. Димка практически не вылезал из клиники. А тут, нате вам: нарисовалась милая женушка со своими вздорными капризами. Да ладно бы повод был. Просто не с той ноги встала. Или не выспалась. Но не исключено, что переспала. С кем не бывает. Ах, да... Со мной. Обычно я держу свои отрицательные эмоции при себе, что, кстати, тоже раздражает Димку. Честное слово, на него не угодишь.

Телефонный звонок обрадовал до невозможности. Решила, что муж опомнился. Оставалось только выдать ему свое великодушное «прощаю». Алекнула я весьма печально. И сразу же опечалилась по-настоящему. Опомнился не Димка, а Наташка, забывшая, по какому поводу обещала мне с вечера позвонить. Не позднее девяти утра. А сейчас уже одиннадцатый час.

– Ир, привет, почему трубку не берешь? Ты не помнишь, чего я тебе вчера трезвонила? Впрочем, не важно. Важные моменты так просто из головы не вылетают. Хотя по пустякам я названивать не буду. У тебя мука есть? Полстакана не хватает.

– Заходи, – разочарованно вздохнула я.

Наташка насторожилась и решила обидеться. Довольно сухо поблагодарила меня за жадность и сообщила, что передумала испытывать лапшерезку. Два года лежала нераспакованная и еще полежит. Как и моя. Непонятно, зачем приобретали?

– Тогда просто так заходи, меня Димка бросил.

– О! – оживилась подруга. – А почему не слышно радости в голосе? Пара часов свободы уже хорошо. Надо провести их с пользой. Ща прибуду, только лапшерезку уберу.

Раздавшийся грохот, сопровождаемый жалобным металлическим звяканьем, свидетельствовал об оперативности Наташки. Еще трубку положить не успела, а уже принялась за порчу имущества. На всякий случай я от всей души пожелала агрегату технического здоровья и дол-

голетия, а заодно попыталась вспомнить, где мой. Суета сует! Ну откуда ж мы могли знать, что метроном в очередной раз отсчитывает последние спокойные часы нашей относительной безмятежности. Слава богу, ненадолго.

2

– Ничего страшного. Надо срочно найти клин, которым можно вышибить ефимовский, – заявила Наташка, выслушав мою мрачную версию размолвки с мужем. – Ты, конечно, тоже хороша, но не признаваться же ему в этом. И потом, я всегда говорила: хирург не может быть джентльменом. Надо срочно сменить обстановку. Я не имею в виду мебель или ремонт квартиры. Предлагаю такой вариант: быстренько одеваемся, отключаем мобильники и сматываемся в загул. Представляешь, сидим в кафе рядышком с домом, ничего не делаем, а перед нами гарсон или гарсонка раскланиваются. Посуду мыть не надо. Голодный Ефимов возвращается домой, а тебя там и нету. Пусть побегает в твоей роли. Ты же не знаешь, куда его понесло, вот и он не будет знать, где тебя носит. Сразу прочувствует, кого и чего на ближайшее время лишился. Словом, давай приводи в себя в порядок, через пятнадцать минут выходим... Нет. Пожалуй, не уложусь. Так! – Подруга сосредоточилась на подсчетах. – Пять минут на маленький скандал с Борей... Десять минут на макияж... Впрочем, марафет наведу у тебя. Мало ли что Боря подумает. Короче, жди через пять минут.

Наташка обернулась раньше. Прибыла заплаканная, но довольная. К тому времени я уже нашла объяснение своей утренней душевной несвежести. Плохое настроение результат плохих предчувствий. На подсознательном уровне ждала неприятностей. Придумать весомый повод для отказа от посиделок в кафе не успела. Деятельная подруга быстренько обругала мои новые брюки, но заставила их надеть, поскольку они выгодно подчеркивают мою неотразимость. На моем совершенстве убожество брючек вроде как и не заметно, а прогулять шмотку надо. Чтобы моль не завелась. В конечном итоге я переделалась в платье.

По дороге несколько раз проверяла мобильник на предмет наличия эсэмэсок от Димки, но муж, по-видимому, крепко закусил удила. Вранье все эти его заверения, что он без меня жить не может. Чего сгоряча не наболтаешь ночью. Особенно когда невыносимо спать хочется, а у второй половины сна ни в одном глазу.

– Дай сюда этот слуховой аппарат! – запальчиво заявила Наташка, ловко выхватывая мобильник из моих рук. – Я его отключаю. Учишь тебя, учишь... Никуда твой Ефимов не денется. Если не к обеду, так к ужину вернется. Голод самый лучший навигатор. Нет, к ужину, пожалуй, поздновато. Мы столько пирожных не осилим.

Уже через минуту стало ясно: я себе места не нахожу. Помещение кафе казалось огромным и неудобным. Свободных столиков было полно, но ни один из них мне не подходил. То вид из окна не нравился, то не устраивал вид на стену или в глубину коридора, откуда просматривались служебные помещения. Возражала я довольно робко, на рожон не лезла, тем не менее Наташке моя «неусидчивость» надоела и она одобрила Димкин побег. Заодно прошлась по поводу великого ума моих милых детишек. Ясно, почему они предпочли жить отдельно от матушки, которой невозможно угодить. Я мигом активизировалась и напомнила подруге, что ее сын вообще сбежал от забот любимой мамы за границу.

– О! Наконец-то пришла в себя, – обрадовалась Наташка. – Чувствуется моя школа. Только давай уточним: Лешка не сбежал, а этапирован в Данию высшими силами – руководством фирмы. По независящим от меня причинам. Можно сказать, принес себя в жертву интересам конторы. Несчастный ребенок... Надеюсь, он хорошо заботится о моей невестке. И между делом напоминаю: сейчас родственные связи за границей не являются сведениями, порочащими автобиографию. По большому счету ты должна мне завидовать.

Я отмахнулась, заявив, что никому ничего не должна, и в очередной раз решила сменить место посадки. Вид на входную дверь тоже не слишком радовал, но сколько, в конце концов, можно прыгать? Именно этот вопрос и озвучила Наталья. Он так и остался открытым,

ибо я сразу же беззвучно и сноровисто сиганула за предыдущий столик, где спряталась за ветвями пышно цветущего искусственными цветами вполне живого дерева в огромной пластиковой кадке. Кажется, это была разновидность экзотического, но явно обрусевшего фикуса. Через пару секунд к моему стулу прилепилась со своим Наташка. Из-за ветвей предполагаемого фикуса мы в полном смятении чувств наблюдали явление в кафе хирурга Ефимова. При входе он немного замешкался, прищевив дверью ветровку. И зачем таскает с собой? Двадцать градусов в тени.

Первая мысль была рациональная: я растяпа! На протяжении всего пути следования из дома до кафе не заметить за собой слежки! Единственное утешение – сверхбдительная подруга тоже прокололась. Пока я решала, является ли фортель мужа глупейшим проявлением ревности и стоит ли мне на него обижаться, появилась вторая мысль – дикая, но правильная: Димку совершенно не интересует моя персона. Мельком оглядев половину зала, он отметил на часах время, нахмурился и укоризненно покачал головой. У Дмитрия Николаевича явно была назначена встреча в этом заведении, поскольку он уверенно уселся за ближайший, но отдаленный от нашего столик, спиной к фикусу, и принялся кому-то названивать по мобильнику.

Я с трудом подавила желание приблизиться к мужу под прикрытием фикуса. Слишком тяжелый и потому не транспортабельный. А тут еще официантка пристала со своими заморочками. Наташка, как могла, отбивалась, я же, не веря своим глазам, наблюдала сцену встречи мужа с незнакомой мне профурсеткой. И все время бубнила, что все это мне снится. Как назло, молодость была не единственным недостатком девицы. К ней прилагались эффектная загорелая внешность яркой брюнетки с полными губами, надеюсь, силиконовыми, и фигура, далекая от стандартов профессиональной модели. Все при ней, в том числе и мой Димка, вскочивший при ее появлении, мало того, галантно поцеловавший прищелице руку. Надо же... Наташка неправа. Хирург тоже может быть джентльменом. Если пожелает.

«Ну что мне стоило приготовить утром этому ловеласу омлет? – с тоской терзала я себе душу. – Это ж надо! Мой правильный Димка! Столько лет притворялся. И я хороша. Не заметила переходного периода от любви к полному равнодушию. Вот пусть теперь эта фря ему омлет и готовит... на моей кухне. Боже мой!.. Неужели это происходит со мной?.. Так! Быстренько взять себя в руки...»

– Быстро взяла себя в руки! – шипела над ухом подруга. – Ничего страшного я не нахожу. Может, это деловая встреча. Раз они в кафе сидят и наш герой ей только руку поцеловал, до постели у них дело не дошло. Тебе он руки целует?

Я отрицательно помотала головой и заявила, что не помню.

– То-то и оно. Его поведение на грани официоза. Главное, не подать виду, что ты все видела. Наша цель позаимствовать из мобильного Ефимова телефон этой самоуверенной молодящейся стервы. Крашеной. А там я решу, что с ней делать. Интересно, что она в зануде Ефимове нашла? Отца родного? Надо же! Смотри, как глазки потупила. Ирка!!! Блин! Отцепись, ты мне руку вместе с кофтой прищепила. А рука у меня направляющая. Для тех, кто сбился с правильного пути. Ты не заметила, что они заказали?

– Димка минералку, а она... плохо видно. Кажется, мороженое лопают. Или пирожное, но как-то неосознанно, без смака. Гадость, наверное. Так ей и надо! Послушать бы, о чем эта сладкая парочка так увлеченно беседует.

– Ну, ты все-таки выбирай выражения. Зачем обижать кондитерское изделие? Блин, да эта фря всплакнула! Глазки платочком промокает. Смотри-ка, сразу подурнела. А Ефимов, по-моему, злится... Нет, скорее растерялся. Он к такому не привык. Ирка, ты виновата! За столько лет плакать не научилась. Женские слезы – двигатель прогресса. Я первоклассную бытовую технику со слезами приобрела. Жаль, некоторые агрегаты простаивают. Кофемашина, например. И лапшерезка.

– Ну и какой прогресс в данный момент намечается? – Я тупо уставилась на поданную официанткой чашечку кофе.

– Собираюсь купить аэрогриль, – шамкая, доложила Наташка.

Это ж надо отхватить такой кусок пирожного! Не меньше половины. Кажется, моего.

– Оченно мне название агрегата нравится: аэрогриль! Пахнет пассажирскими авиаперевозками и полной безопасностью полета. Фантазии... Или ты о другом прогрессе? Который вытекает из слез Димкиной собеседницы?

Я с достоинством кивнула. Подруга, прячась за широкими листьями то ли пальмы, то ли фикуса, вновь заняла разведывательную позицию и нервно доложила, что мой почти бывший муж собирается кому-то звонить. Если ей не изменяет богатый жизненный опыт, почерпнутый из чужих семейных трагедий, то звонка от него следует ждать именно мне. Как начнет врать про необходимость внеурочного ночного дежурства на работе, все сразу станет ясно. Будем готовиться к атаке. Крашенная стерва приливной волной своих слез все-таки смыла стойкого моралиста Ефимова с прямого пути к семейному порогу.

Я нервно передернулась и уставилась на свою порцию кофе. Вроде как натурального. Интересно, на дне есть кофейная гуща?.. Если даже и есть, гадать на ней я не умею, Наташка тоже, но наверняка что-нибудь соврет для моего успокоения.

– Блин! – ругнулась подруга. – Чуть со стула не навернулась. Показалось, что твой Ефимов в нашу сторону вытаращился. Так на пол потянуло... О! Смотрите-ка, кофеек прибыл с «Наполеоном». Не заметила. А где твоя «картошка»? Неужели уже слопала? Ир, это у тебя на нервной почве. Ты следи за собой. Так и поправиться недолго. Было бы из-за чего. Знаешь, что-то мне не верится в непорядочность Ефимова.

Тихая мелодия звонка из моего кармана подтвердила предположение Наташки. Когда ж я успела включить мобильник? Совсем не контролирую свои действия.

Звонил Дмитрий Николаевич. У меня вдруг затряслись руки, я никак не могла выудить телефон, а когда выудила, мелодия оборвалась. Очевидно, упрямый Дмитрий Николаевич продолжил свои домогательства по домашнему номеру, поскольку, потыркав кнопками, не отрывал телефон от уха. Я с мстительной радостью пожелала ему удачи.

Очередной звонок Димки на мой мобильник заставил меня вздрогнуть. Равнодушно ответить не удалось, я недовольно процедила: «Да...» И тут же получила выговор за намеренное игнорирование его персоны. И только собралась дать мужу решительный отпор, как он потребовал отчета, где я гуляю. Потребовать от него аналогичный я не успела. Димке даже не понадобился мой ответ о месте дислокации. Тонем, не допускающим возражения, господин Ефимов заявил, что мы срочно уезжаем. Причина и подробности – по дороге. Положение очень серьезное. Минут через пятнадцать он подаст машину к подъезду. К этому моменту мне следует хотя бы согреть чайник. «И, пожалуйста, без глупостей», – добавил он.

– Без них никак нельзя, – сердито отметила я. – Мне они с момента рождения достались. Только благодаря им и выживаю. А чаю вполне можешь испить по месту нахождения. Вместе с очаровательной собеседницей.

Наташка слишком поздно кинула в меня пятисотрублевую купюру, приготовленную для расчетов. Да и толку от нее!.. Надо бы весь кошелек. Это ничего, что он почти пустой. Я легко отмахнулась одной левой и коротко напомнила подруге, что швыряется деньгами не по адресу. Правой рукой продолжала держать мобильник, распинаясь о хорошем вкусе мужа. Мол, у меня достойная смена, обижаться нет смысла. На больных не обижаются, а Дмитрий Николаевич явно приболел. Душевной болезнью. Неужели от Полетаева заразился? Без психиатра не обойтись.

Надо отдать должное мужу. Стоя за моей спиной (когда только успел передислоцироваться!), он внимательно меня слушал. Без мобильного – вживую. Ни разу не перебил. Даже когда я принялась за раздел нашего совместно нажитого имущества. А пусть забирает все

оптом. Зачем мне нелегкие воспоминания о прошлом, коварно в этом имуществе притаившиеся. Как нахлынут болезненной волной! Его проблемы принимать или не принимать...

– Хотя бы нижнее белье себе оставь, – потупив взор и нервно обмахиваясь своей пятисотрублевкой, не своим голосом пискнула Наташка. – Уж лучше бы ты молчала.

Я хмыкнула. Подруге не мешало бы сменить тон. С таким голоском только на паперти стоять, за милостыней, тогда как ей привычнее читать поучительные проповеди. И тут я настояжилась, поняв, что Наташкино воркование своеобразный сигнал тревоги.

Почувствовав неладное, я пару раз повторилась на последнем слоге слова «принимать», смолкла, медленно обернулась и похолодела. Вместе с Димкой, стоявшим за моей спиной со скрещенными на груди руками, меня внимательно слушали едоки с двух соседних столиков. Очаровательницы брюнетки среди слушателей не было, не было ее и на прежнем месте. Честно говоря, я растерялась. Слегка запинаясь, поведала всем, что Наталья права. Не стоит ворошить собственное нижнее белье, заберу его себе, прямо в куче. И, прикрывая руками разгоревшуюся физиономию, быстренько заторопилась к выходу, слыша, как позади подруга благодарит слушателей за проявленное внимание к сцене из домашнего спектакля:

– Всем спасибо, все свободны.

Я недолго торчала в одиночестве, безуспешно прячась в тени раскудрявой рябины и придулившегося к ней куста непонятного происхождения, однако успела пережить свое сольное выступление заново. Даже голова разболелась. Ну что Наташке стоило аккуратно двинуть меня под стол ногой – куда более действенный способ заткнуть собеседника, нежели швырять в него однокупюрной денежной массой. Наверное, боялась отдачи мелочью.

Дмитрий Николаевич, облагодетельствованный и одновременно обиженный моей бескорыстностью в вопросе раздела совместно нажитого нами имущества, гордо вышагивал впереди Натальи. При этом практично смотрел себе под ноги. Подруга семенила следом, размахивая руками, и горячо рекламировала мою глупость и нашу общую с ней забывчивость. Оба так увлеклись, что пролетели мимо меня. Это сразу привело меня в нормальное состояние. Пара секунд торможения – и я рванула вдогонку.

Димка остановился внезапно. Наташка ткнулась ему в спину и смолкла. Я предусмотрительно остановилась поодаль. Далее гонка протекала в обратном направлении – муж забыл, что припарковал машину с другой стороны кафе. Подобная забывчивость была показателем сильного смятения чувств. Спрашивается, зачем он вообще так торопился к рулю, если все равно пришлось ждать нашей загрузки. А мы не торопились. Наташка делилась знаниями.

– Ир, мы с тобой в красотке простую сестру жены Полетаева не узнали, – скороговоркой бубнила мне подруга. – Наверное, потому, что никогда не виделись.

Димка делал вид, что не слушает. А может, и правда не слушал. Был слишком увлечен общением с навигатором.

– Она с Димочкой встречалась, чтобы посоветоваться насчет серьезных сдвигов в психике Полетаева. Только зря Ефимов к ее ручке приложился, – повысила голос Наташка. – Дань ее женской мужественности, а на самом деле сплошная антисанитария. Сейчас на улице все что угодно подхватишь. А ручки у сестрички Валерии Полетаевой явно заgreбущие. Кстати, Арефьев из третьего подъезда свою будущую тещу-заразу именно на улице и подхватил. Она вроде как ногу подвернула. На ровном месте. Домой дотащил, а через день почти женился на ее дочери. В прошлом году окончательно расписались, теперь теща их разводит. Да, а руки эта красотка точно не мыла. Ир, ты сдуру решила... Ну, кто старое помянет, тому зуб вон. Я точно не помяну.

– Глаз. Правильно – «глаз вон».

Наташка бросила на меня недовольный взгляд.

– Вечно ты на рожон лезешь. И откуда в тебе такая кровожадность? Глаз – это уж слишком. Да мне и зуб-то жалко. Свой особенно. И дай мне договорить. За пару секунд я все выяс-

нила, хотя Ефимов кололся неохотно. Обещал бабе оставить этот разговор в тайне. В общем, не успел он, несолоно хлебавши, из дома выйти, как она с рыданиями навязалась ему на встречу. Вроде у Станислава дикие заскоки – собирается прикончить родную жену, ссылаясь на то, что она пару лет назад уже погибла. Ефимов выбрал для встречи присутственное место. Все равно не знал, куда деваться. Из дома вроде как ушел. Ну а при встрече красотка уговорила его заехать завтра к Полетаевым. Но так, чтобы об этом никто не знал. Она боится возможных слухов о невменяемости Стаса. Оказывается, он не просто руководитель фирмы, а какая-то там «шишка». Это конец карьере и ее денежному эквиваленту. Ну, ты ж понимаешь, что подобного расклада я допустить не могла. Мало ли какие планы в голове у этой профурсетки. Охмурит Ефимова... Даже не хочу говорить на эту тему. Словом, я согласилась с твоим мужем на альтернативу вашему болезненному разводу с разделом взрослых деток. Куда лучше совместная поездка к Полетаевым вместе с тобой... нет, теперь уже с нами, мне все равно деваться некуда. Из принципа. Если не забыла, я ради тебя с Борисом... Впрочем, кто старое помянет, зубов не хватит. Лучше чужих. Мы с тобой едем в качестве окружающей среды Дмитрия Николаевича. Сольемся с природой, погуляем, пока Дмитрий Николаевич незаметно оценит адекватность Полетаева и убедит его показаться психиатру. По мужику явно дурдом плачет, а Ефимову – своему спасителю – он верит. Валерия опасается за свою жизнь, жизнь Полетаева и, соответственно, окружающей их среды. Есть серьезные к тому основания. Бабе трудно понять – притворяется муженек или его заскоки результат неправильно проведенной Ефимовым операции. Якобы он в ходе хирургического вмешательства какой-то сдвиг в мозгах Полетаеву организовал. Самое интересное, что при посторонних Полетаев держится вполне разумно, а наедине с ней выкрутасничает. Твой Дмитрий Николаевич, конечно, дурак, что согласился на эту поездку, но что сделано, то сделано. Только он решил ехать не завтра, а прямо сейчас. Не хочет день терять. А завтра рванем на дачу. Не бросать же нам его одного. Быстренько смотаемся к Полетаевым, быстренько погуляем, пока наш хирург быстренько сошлется на врожденную придурковатость Станислава Аркадьевича. Мол, каким он был, таким он и остался. Димка ничего не ухудшил. Еще не хватало судебного иска по обвинению Ефимова в непрофессионализме. Отойди в сторонку, ты на меня давишь своим присутствием на моей туфле.

Я послушно подвинулась, Наташка понизила голос до шепота:

– Твой Ефимов ужасно расстроен, переживает. На обратной дороге мы с тобой будем на подпевках: простая медицина в случае Полетаева бессильна. Следует морально поддержать Дмитрия Николаевича. Вернемся, накормишь, наконец, мужа омлетом. Это я к тому, что, памятуя о нашем выжидательном разброде и шатании на природе, на званый обед у Полетаевых он не останется. Исключительно по моей инициативе. Пришлось Ефимова напугать. На всякий случай. Предположила, что за время званой трапезы ты вполне можешь успеть встретить в лесочке свою новую судьбу – залетного тракториста. Могут у трактора тормоза отказать? Могут. Допустим, они отказали, вот он и залетел в кусты. А там ты сидишь. Мне главное до шести домой успеть. Борис закончит свой очередной проект и, забыв, что выжил жену из квартиры, начнет интенсивные поиски личной домохозяйки – меня, значит. Заодно и холодильник на дыбы поставит. Я его давно помыть собиралась.

Наталя распахнула дверцу машины и приветливо кивнула Димке.

– Господин Ефимов, как считаете, может, нам и переодеваться не стоит?

С водительского кресла раздалось невнятное бормотание. Да что там разбираться с ответом. Мы еще толком и не уселись, а Димка рванул с места в карьер, не ведая, что с каждым километром мы приближаемся к грядущим, скажем прямо, жутковатым событиям.

3

На пятидесятом километре навигатор свихнулся. Стал показывать дорогу в направлении Сибири, но через северный регион. Сразу после того как я (довольно фальшиво) выразила сомнение, что визит к Полетаеву будет уместен в отсутствие сестры Валерии. Уж очень мне не хотелось очередной встречи красавицы, звавшейся Светланой Павловной, с моим мужем. Поневоле рождались ревнивые мысли. Бесстрастным голосом Димка доложил, что женщина обещалась приехать только завтра, но она нам, по существу, не нужна, и... чертыхнулся. Электронный «Сусанин» в очередной раз упрекнул его в том, что он проехал необходимый поворот, хотя никаких столбовых указателей поворотов да и самих поворотов на дороге не было. Сама судьба пыталась отвести нас от ловушки. Наташка сунулась было в старый атлас автомобильных дорог, но навигатор опомнился и пришел в себя. Через пару минут мы свернули на нужную проселочную дорогу. Я с удовольствием выслушивала «комплименты» мужа «чокнутой вертихвостке Светлане Павловне». Судя по злым выводам Д.Н., получалось, что сама Валерия наверняка не далеко от нее ушла, а потому у Полетаева из-за наличия такого окружения не было иного выхода, как свихнуться. Или поумнеть, балансируя на грани безумия. За компанию со своей сверхзаботливой половиной!

Постепенно Димкино ворчание стало утомлять, но обрывать его – себе дороже. Мы глазели по сторонам, утешаясь видом за стеклом. А Димка соловьем разливался, бичуя своего бывшего пациента и его жену. Получалось, что Полетаев, заново осознав себя после комы, капризничал, отказываясь признавать Валерию своей законной женой. Более того, тайком уверял хирурга Ефимова, что его жена погибла в результате автокатастрофы и похоронена на Щербинском погосте. Нашептывания Полетаева были настолько убедительны, что Дмитрий Николаевич не поленился проверить паспортные данные пациента. Тогда и выяснилось, что Станислав Аркадьевич официально женат на Валерии, причем безнадежно давно. А дополнительно полученные сведения подтвердили, что во время их брака женщина пребывала в добром здравии. Консультирующие Полетаева специалисты подтвердили, что пациент душевно здоров, а вот в поведении хирурга Ефимова наблюдается некоторая странность. Ибо при всех Полетаев уверенно распинался о своем редком везении с женой и таких бесценных постулатах Валерии, как «Вера, Надежда, Любовь». Только благодаря Лерочке он вернулся с того света. Не смог обречь бедняжку на тоскливое одиночество на этом. С тех пор Дмитрий Николаевич и перестал обращать внимание на бредни Полетаева.

В данный момент, отчаянно выкручивая руль, ибо хорошо наезженная дорога внезапно обернулась рытвинами да канавами, он откровенно удивлялся, коим образом согласился выполнить просьбу Светланы Павловны. Не иначе как под гипнозом. Далась ему эта поездка! А всему виной мои утренние выкрутасы. Наташка тут же ехидно напомнила, что целый ряд лично моих просьб без всякого там гипноза он в свое время оставил без удовлетворения, хотя я ему куда роднее чужой сестры чужой жены чужого сумасшедшего пациента. Димка очередной раз чертыхнулся и пробурчал нелестные отзывы о моей дырявой памяти и черной неблагодарности. В ответ я только фыркнула.

К моменту выезда на ровный участок все мы окончательно перессорились. Случай, надо сказать, исключительный. Место, что ли, такое проклятое? Кончилось тем, что вылезли из машины и разбрелись в разные стороны – искать нормальный проезд к Полетаевым. Если верить кафешным разъяснениям Светланы Павловны, Димка нечаянно проехал нужный поворот. Тем не менее крайне недовольный супруг активно защищал свою исключительную внимательность.

– Да провалиться мне на этом месте, если я проскочил мимо! – И без зазрения совести переложил всю вину на нас – мол, постоянно отвлекали его внимание.

Разумеется, мы хлопнули дверями. И почти сразу об этом пожалели. Таскаться по лесу в хороших шмотках и полувыходных туфлях, удачно приобретенных на распродаже, еще то удовольствие. Хорошо, что мне удалось прихватить с собой завалявшуюся в машине старую ветровку. Хотя какая-то защита от комаров.

Я не замедлила упрекнуть Наташку в неоправданной упертости. Именно она настояла на почти парадной форме одежды. Предполагалось, что это повысит мне настроение. В итоге мы с ней не на шутку расплевались. Последней каплей послужило ее откровение, что у меня своей головы нет и не будет. Полная безнадега! Хорошо еще Д.Н. рядом не было. Какое-никакое, а подтверждение его теоретическим выкладкам.

Одинокое бродяжничество по кустам успокоило и быстро переросло в парное. Мы с Наташкой столкнулись под одной сосной и никак не могли разойтись.

– Какое счастье встретить в незнакомом лесу знакомое лицо! Замри, – облегченно вздохнув, заявила подруга, идя на таран. Сосна даже не пошевелилась. В отличие от меня. Благодаря Наталье, ухватившей меня за руки, я буквально приклеилась к дереву, служившему разделительным барьером. – И с чего это мы все взбеленились?

– Если у меня есть «знакомое лицо», то оно прилагается к знакомой голове, которую ты как-то не заметила, – сурово заявила я.

Наталья меня отпустила. Немного помедлив, я присела на траву. Балдеж! Облегченно выдохнув, я разулыбалась и в состоянии всепрощения предложила подруге вернуться к машине, дабы уговорить Димку отказаться от затеи визита к Полетаевым. Валерия не ребенок, сама разберется с супругом. Надоело бестолковое хождение по мукам.

– Мама дорогая! Ирка, сейчас же встань! Рядом муравейник. Не надо нарушать трудовую деятельность его обитателей. Пусть пашут. А вот я в отличие от них до шести свободна, – на всякий случай, но не очень уверенно напомнила подруга и напряженно прислушалась. – Кажется, звук мотора. Ир, не мельтеши, от тебя помехи идут. Сплошной треск. Определенно едет машина! Причем оттуда, откуда нужно. Ефимов все-таки проглядел нужный поворот.

Не теряя времени, мы рванули на шум работающего двигателя. Увы, он быстро удалялся. А нам еще ни разу не удалось обогнать автомашину, если она не стояла на месте. Спустя короткое время пришлось признать истину: Наташке не суждено попасть домой к шести часам. Мы заблудились.

Самым ужасным было то, что мобильники остались в машине. Димка на наши отчаянные вопли не отзывался. Как мы ни прислушивались, но звуков цивилизации не уловили. Обыкновенная лесная тишина, изредка приукрашиваемая шорохом листвы и легким потрескиванием. Даже птицы молчали.

– Мох... – пролепетала подруга. – Со школы и из нашей общей жизненной науки помню: с северной стороны у деревьев мох гуще. Надо найти образцово-показательный экземпляр дерева и сориентироваться в пространстве.

– А с какой стороны света нас сюда занесло? – занервничала я. Не хотелось расставаться с надеждой на скорое возвращение к машине.

– Господи, да не все ли равно, с какой! – капризно возмутилась Наташка, внимательно изучая два мощных ствола елей. – Как-то странно ведет себя этот мох. Вот на этой дубине, – шлепнула она по дереву, – его много с этой стороны, а на второй он почему-то гуще с противоположной. Береза вообще лысая, без лишаяев. В смысле, лишайникового покрытия.

– Выпендривается. Не хочет прятать естественную красоту под маской. А мох на одной из еловых сущностей, скорее всего, замерз. Вот и перебрался на юг. – Я со злостью отбивалась от комаров, удивляясь их живучести и количеству. Чем же такая свора питается? Мы-то к ним случайно наведались. – Так в какую сторону пойдем?

– «А мы пойдем на Север», – нещадно гнусава, пропела подруга. – Северный Ледовитый океан точно не пропустим. Или Колыму. А ежели Север обернется югом, возражать не

стоит. Широка страна моя родная! Ой... это я зря ляпнула. Словом, нечего торчать на месте, плохие мысли в голову лезут. Ирка, ну что ты застыла каменной бабой! Хватит препарировать комара. Достаточно того, что ноги ему переломала. И прекрати корчить рожи. Приди в себя. Скорее всего, ты Ефимову основательно надоела. О себе вообще молчу. Наш хирург, как тот безвольный старик из сказки «Морозко». Решил избавиться от нас безболезненным для себя способом: завез в дремучий лес и покинул. Небось сейчас ему Полетаева омлет жарит. Блин, есть хочется.

Споткнувшись о замаскировавшийся в траве корень, я пролетела вперед, опередив подругу. Спасибо молоденькой осинке, о которую я притормозила, испуганно напомнив, что в Подмосковье нет дремучих лесов. Голос невольно дрогнул и сорвался на писк. Уверенностью от моего заявления в части «дремучести» и не пахло, пахло страданием. Наташка, добрая душа, тут же посоветовала особо не торопиться и лбом дорогу не прокладывать, а следом принялась меня утешать. В том плане, что не стоит оплакивать отсутствие подмосковных дремучих лесов. Жалко, конечно, что они изрядно облысели, но пока мы тут шастаем в поисках Севера, возможно, вырубленные проплешины как-то зарастут. Больше всего подругу взволновало, что к тому времени Борис может забыть ее незабываемую личность. И тут же, не замечая препятствий в виде кустов, которые следовало обойти, принялась строить планы отмщения невинному супругу.

Вскоре стало ясно: мы ходим по кругу. По непонятной причине все время загребаем влево. Проявился этот «хоровод» довольно просто. Я повторно споткнулась о злополучный корень и едва не сломала уже знакомую спасительную осинку.

– Чертов лес! – в сердцах заорала Наташка. – Чертов сын Полетаев! Чертова баба его жена вместе со своей сестричкой! Зачем мы вообще навязались твоему дураку Ефимову в провозатые?! А ты тоже хороша. Димкину нравственность следовало блюсти утренним омлетом, а не конвоированием до места ее скоростного падения.

Взглянув на меня, подруга осеклась и тихо попросила не обращать внимания на ее глупые речи. Цепная реакция! Глупость рождает очередную глупость. Почувствовав во рту едкую горечь, я перекосилась, выплюнула неосознанно разжеванный осиновый лист и, не отвечая, пошла вперед. Душу заполнили сумерки. Наталья что-то верещала сзади. Кажется, оправдывалась за поклев на идеально верного мужчину – Ефимова Дмитрия Николаевича, который ни за что не продается за какой-то там омлет. Разве ж только после семидневного голодания. Я толком не слушала. Не останавливаясь, летела вперед.

Удивительное дело, но довольно быстро я плавно выпала из кустов на дорогу. Не важно, что лесную, зато отлично наезженную. Сомнений не возникло, она ведет в присутственные места, независимо от выбранного направления – направо или налево. Подоспевшая Наташка от радости выдала пару безумных «па». Взлягивая, она активно хлопала себя руками по бокам и, задрав голову вверх, громко вопила слова старой детской песенки про кузнечика. Если бы он ее услышал, с перепугу сам бы прыгнул лягушке в пасть. Я только поморщилась.

Решив не морочить голову выбором пути, свернули налево с тайной надеждой добраться до шоссе. Там можно остановить какую-нибудь машину, выпросить мобильник и связаться с Димкой. В отличие от меня он постоянно держит его при себе. Присмирившая подруга бодро топала сзади, радостно планируя меню разносолов на поздний ужин. Для себя любимой и (так уж и быть) для меня, нахлебницы. Борису отводилась роль стороннего наблюдателя. Димке же в это время надлежало в одиночестве давиться омлетом на собственной кухне. Ибо с него все и началось.

Дорога дала крюк, обогнув небольшое болотце. Низина отметилась грязью. Я с тоской подумала о легких туфельках, которые меня угораздило напялить. И только Наташка собралась дать словесный отпор моим невысказанным страданиям, как со стороны болотца послышался сдавленный вой. Ноги подогнулись автоматически...

О туфлях уже не думалось. Сидя в прекрасном платье в дорожной грязи, я пыталась спихнуть с себя Наташку, лихорадочно уверяя ее, что до соломенной подстилки мне далеко.

– Слышала? – активно сопротивляясь, пыталась она достучаться до моего сознания.

Бесполезно. Я сама себе мысленно подстелила в голове соломку, сосредоточившись исключительно на Наташкиной весовой категории. И тут жуткий вой повторился. Наташка взвизгнула, а меня от страха парализовало. Я никак не могла отпустить подол платья Наташки, решившей немедленно удариться в бег.

– Отцепись, идиотка! Там целый волкодав, вожак стаи волков! Продукт реинкарнации собаки Баскервильей. Я не хочу давать ему интервью.

Для большей убедительности подруга основательно шлепнула меня по рукам, сразу приведя в чувство. Автоматически разжав руки, я ее искренне поблагодарила.

– И тебе спасибо, – нервно среагировала немыслимо изогнувшаяся Наташка, пытавшаяся разглядеть вытянутый клочок платья. План скоростного бегства был отменен. Сплошной фетишизм, шмотка оказалась дороже жизни. В том числе и моей.

Очередная вспышка воя отличалась разнообразием: что-то похожее на «Ой-ёй-ёй-ёй-ёй!» с оттенком жалобной горечи. Мы замерли, пытаясь осмыслить новый нюанс. Я осмыслила первая, поскольку с уверенностью заявила, что в болоте не насобачившийся волкодав. Скорее человек.

– Ефимов! – ахнула Наташка. – Это он с тоски по тебе развылся. А может, по фирменному омлету? В любом случае надо выручать. Вдруг твой ненаглядный сидит в болоте со всеми удобствами? Въехал туда прямо на машине. Надеюсь, там не фирменная тряпина.

Я рывком вскочила, хотя ни на секунду не поверила Наташкиным предположениям. Не тот человек Дмитрий Николаевич, чтобы быть, даже по серьезным поводам. Просто какому-то бедолаге очень не повезло. И в одном подруга права: выручать его надо в любом случае.

Пробираясь по чавкающей жиже, я уже не думала о туфлях. Почему-то ни одной из нас в голову не пришел вариант окольного пути – обехать болотце посуху. Жалобный вой прозвучал еще один раз и резко оборвался сразу же после Наташкиного бодрого отзыва. Наверное, ей не следовало вопить как верной подруге вышеупомянутого волкодава. Надо было ответить поскромнее. С другой стороны, бедолага от такой «песни песней» вполне мог самостоятельно выскочить из болотного плена. И скатертью бы дорога!

Размерами болотце оказалось серьезнее, чем мы думали, – вытянутым в длину метров этак на сотню. То тут, то там из густой темно-коричневой жижи, местами приукрашенной полусгнившими кочками, выглядывали темно-серые останки бывших деревьев. Снизу иногда поднимались на поверхность и лопались пузыри. Пренеприятное зрелище. Бедолагу мы обнаружили на противоположном берегу мертвого водоема. «Окрас» мужика полностью соответствовал цвету болотной гущи. Свеженькой, ибо она еще бодро разлеталась с него в стороны, особенно с волос. Он походил на трясущегося от холода пятнистого негра, случайно заблудившегося в России. Едва ли окрас был намеренной маскировкой. Очевидно, несчастный только что выбрался из болота на относительно сухое и безопасное место. Не иначе как Наташкин «отзыв» сработал.

– Слава те, Господи, это не Ефимов, – раздался рядом голос подруги, как и я не решающейся подойти ближе к бедолаге. – Ты не знаешь, чего этот тип на нас вытарашился? Снизу вверх, а так надменно. Прямо король без трона... – Наташка примолкла, а через пару секунд выдала: – Ирка-а-а... а король-то голый! Точно, в чем мама родила, не считая трусов. Не смотри на него в упор, мало ли что подумает. Скорее всего, этот тип с большим приветом от шизофрении. Вообразил себя Тарзаном, искупался в болоте и завыл от радости.

– Грязный какой... Самая настоящая нечисть – кикимора болотная... в смысле, кикимор мужикообразный, – с запинкой выдала я свой вариант наименования особи.

– Не убивайте, – отчаянно моргая глазами, прохрипела сущность совершенно не по-королевски.

– Мы и не собирались, да у нас и нечем, – растерялась я. – Сами нечаянно заблудились. Верный друг на машине, а мы так, пешком. Вот бегаем, надеясь найти хотя бы машину.

Сущность размазала по глазам грязь, немного прозрела и удостоила нас пристального взгляда.

– Понятно. Хотите сдать меня в сумасшедший дом.

– Еще чего. Само устраивайся.

– Тогда пом-можите, – перекашиваясь от боли, попросила сущность вполне нормальным голосом, но продолжая активно трястись. – Нога...

– Правая, левая? – активизировалась Наташка. – Ир, ты на полшага ближе к его нижним конечностям, посмотри, что там с ними. Я буду на подстраховке. А ты, Тарзан, прикройся хотя бы травкой. У тебя трусы порвались.

Пока Тарзан суетливо срывал и набрасывал на интимную часть тела все, что росло под руками, я осторожными шажками постепенно подходила к нему. А вдруг шизофрения послала ему в подарок ну о-чень большой привет?

– Ирина, простите, не знаю вашего отчества, – забыв про больную ногу, неожиданно залепетал распухшими губами несчастный, – не бойтесь, я в своем уме.

– А я – нет. – Мое откровенное признание вырвалось после внимательного изучения бородатого лица незнакомца. – Откуда вы знаете мое имя?

– Так вас подруга назвала.

– А откуда вы знаете, что она моя подруга? – Я сделала осторожный шаг к страдальцу.

– Да ниоткуда! Просто предположил.

– А вы жертва преступления! – осенила меня догадка. – По дороге домой вас ограбили вплоть до трусов и едва не убили? Из одежды только волосяной покров, включая щетину.

– Трусы стянуть не успели, зато порвали, – внесла уточнение Наташка.

Он обиженно кивнул и, слегка подвывая от боли, схватился правой рукой за правую лодыжку. Даже сквозь грязевое покрытие было видно, что она значительно опухла. Затем бедолага посмотрел на зажатый в левой руке пучок травы и добавил ее к сформировавшейся на животе кучке.

– Да хватит тебе утепляться, болезный. Целый стог уже организовал, – окончательно ожила подскочившая к нему Наташка. – И не шарахайся от меня, я просто хотела накинуть тебе на плечи свою кофту. Ир, ну ты как заржавевший шлагбаум. Чего застыла в полусогнутом состоянии? Стаскивай ветровку, человек ею прикроется. Пока я буду решать, что делать с его ногой, тебе надлежит организовать ему словесную развлекаловку. Не бойся, Тарзан, больно не будет. У тебя, наверное, и другое имя есть?

– Есть. Иван. Точнее, Сережа, – быстро поправился он, еще раз размазав грязь по физиономии. Явно врал. Ну, да не наше дело.

Устраивать развлекаловку мне не пришлось. Повнимательнее взглянув на травмированную конечность мужчины и осторожно ее потрогав, Наташка заявила, что проще было бы оторвать ступню вместе с лодыжкой к чертовой матери. Сергей-Иван попытался отмахнуться от спасательницы, но был бит ее сердобольными руками.

– Мы не ищем легких путей, – с обидой заявила ему Наташка. – К твоему сведению, у нас нет никакого желания навещать упомянутую чертову мать. А посему ничего отрывать не будем. Наоборот, жертвую тебе свою роскошную косынку с шеи. С помощью этого шедевра и... Ир, отступи в сторонку, ты стоишь на подходящем материале. Дай мне две эти занюханные веточки, только запакуй их в свои следочки. Сделаем фиксирующую повязку. Кто знает, может, у Сергея не обыкновенное растяжение, а перелом...

Она склонилась над пострадавшим, потребовала, чтобы он как следует протянул ноги, и осторожно коснулась проблемного места.

– Мама дорогая! Ирка, держи этого психа, да покрепче. По-моему, он плохо соображает от боли. А я плохо соображаю, когда мне мешают соображать. Как жаль, что наш «верный друг» провалился сквозь землю. С другой стороны, человек слова. Провалиться, мол, мне сквозь землю, если я не заметил поворота. Обещал – сделал.

Наташка несла всякую чушь и, преодолевая легкое сопротивление Сергея и чушь, которую несла я, ловко накладывала повязку. По окончании процедуры подруга помассировала руки и порадовалась за беднягу. В том плане, что одна нога – привилегированная. Худо-бедно, но она у него если не обута, то одета. И ничего, что слегка. Только после этого я поинтересовалась у Кикимора-Тарзана-Сергея-Ивана, есть ли у него поблизости родные, например, любящая жена. Или хотя бы друзья-знакомые.

– Я вдовец. Жену похоронил два года назад, другой не будет, – скрипя зубами, но твердо ответил бедняга. – От друзей предпочитаю держаться подальше.

– Лучше всего в болоте, – мгновенно отреагировала я, вызвав недоумение на грязной физиономии Сергея.

На меня в упор смотрели его внимательные глаза, безумием во взгляде и не пахло. Я сразу вспомнила Димкины слова о заскоках пациента Полетаева и робко поинтересовалась, не знает ли он случайно чету Полетаевых, проживающих где-то неподалеку.

– Какую чету? Он вдовец, – отрезал Сергей и странно всхлипнул. В горле у него что-то заклокотало.

– Тогда кем ему приходится Валерия? – прогудела Наташка.

– Женой, – подавляя рыдания, промычал Кикимор.

«Псих!» – мысленно посетовала я.

4

– Ну хватит нести всякий бред! – возмутилась Наташка. – Давайте решать, что делать дальше. Хотя, что тут решать. Фазенда Станислава Аркадьевича наверняка в пределах досягаемости. Есть два варианта: первый – оставляем ограбленного калеку здесь и по его наводке бежим к дому Полетаевых. Там вызываем «скорую» вместе с полицией, прихватываем шмотки и возвращаемся назад, к месту залегания Сергея. Пешком, если нет машины. Негативный момент: можем снова заблудиться. Как жаль, что в лесу не наставили светофоров. Хорошо, если нас найдут. Хотя бы через недельку. Я бы смогла оправдаться перед мужем за задержку. Уважительная причина – плохо искали...

Покосившись на трясущегося Полетаева, переставшего даже лупить комаров, я поторопилась озвучить второй вариант. Была уверена, что третьего не дано. Вот и предложила выступить нам с Наташкой в роли костылей, опираясь на которые Сергей на одной ноге медленно, но верно доскачет до дома Полетаевых. Хорошо бы протяженность пути к нему была меньше десяти километров. Даже ходя кругами, к утру, глядишь, добрались бы.

К нашему великому удивлению, Сергей, скорректировав расстояние до дачи в два-три километра, наотрез отказался от обоих вариантов. Мало того, выразил желание тайными тропами попасть на шоссе, сесть в первую любезно остановившуюся машину и уехать отсюда... Не важно, в каком направлении, лишь бы подальше. Затем неожиданно поперхнулся словами, замолчал и настороженно прислушался. Сквозь разводы болотной грязи на лице выделялись относительно чистые и резко побелевшие участки кожи.

Мы тоже насторожились, пытаясь уловить звуки, ставшие достоянием ушей Сергея. Но ничего не услышали.

– Банда грабителей возвращается... – процедила догадливая Наташка. – Может, Сергей не все с себя снял? Ах, да... трусы. Я не намерена повторять его судьбу. Не собираюсь расставаться со своей одеждой и лезть в эту жуткую плесень.

– Тогда заткнись! – хоть и шепотом, но довольно грубо оборвал ее Сергей.

Подруга попыталась огрызнуться, но не получилось.

Со стороны дороги отчетливо донесся звук проезжающей мимо машины. Я вопросительно взглянула на Сергея. Он отрицательно покачал головой и прошептал, что это не подходящая машина. Джип бандитский.

Наташка сдавленно пискнула, а мне сразу захотелось по уши влезть в болото. От отчаяния. Может, полегчает? Наверняка налетчики возвращались за своей жертвой. Неизвестно, что стало с моим Димкой, если он им случайно попался. Не сомневаюсь, муж все-таки нашел правильную дорогу. Исключительно ради того, чтобы отыскать меня и Наталью. А тут эта свора!..

Я с ненавистью взглянула на Сергея. Ребята с Большой дороги не случайные грабители. Случайные слиняли бы сразу после ограбления. Кикимор болотный даже перестал трястись и, пряча глаза, принялся суетливо прикрывать тело моей ветровкой, перетягивая ее с одного места на другое.

– Действуем по первому варианту, – решительно заявила я Наташке и сразу подала пример редкой бестолковости – полезла к дороге по краю болота. – Сергей пусть сам решает, что ему делать. Ждать лично от нас или с оказией свои шмотки и помощь либо под прикрытием нашей одежды ползти к своей близкой родственнице – чертовой матери.

– Иришка, стой! Куда тебя понесло?! – отчаянно завопила подруга. – Это же болото! Сворачивай влево, дурында. Посуху обойдем... дем. – Голос Наташки упал и смолк.

Нырнув в хорошо замаскированную яму, я едва не нахлебалась мерзкой жижи и порадовалась, что не пикнула. К моему удивлению, болото не собиралось меня удерживать. Молодое, неопытное. Выбраться мне удалось довольно быстро, благо к моим услугам был удобно

торчавший поблизости внушительный сук какого-то мертвого дерева. Выбираясь, я, кажется, рычала. С закрытым ртом.

Наташка мгновенно ринулась на помощь и, чтобы подавить свой и мой ужас перед случившимся, отчаянно ругалась. Со стороны доносились сочувственно-бодрые то ли соболезнавания, то ли поздравления Сергея. Нырнув в коричневую муть, я, к несчастью, повторила его безумный закидон. К счастью, без телесных повреждений.

Вытирать лицо пришлось сначала травой, затем подолом Наташкиного платья. Сразу родилась голубая мечта: немедленно принять душ. С ней я и продолжила форсирование тернистого пути к даче Полетаевых. Не прошло и пяти минут, как моя голубая мечта стала реальностью. Заработала небесная «душевая кабина». Начавшийся ливень не очень помог очистить от грязи подол Наташкиного платья, зато я на бегу кое-как отмылась. Во всяком случае, почувствовала себя посвежевшей. Настолько, что основательно продрогла.

Кикимор ошибся в расчетах. До дачного поселения, названного им и сестрой Валерии Ласкино, оказалось меньше километра. Выглядел дачный поселок типичной деревней, вполне мирной. Напугав своим видом двух собак и трех деревенских жительниц, под зонтами обсуждавших местные новости, мы первым делом поинтересовались, были ли сегодня бандитские нападения на деревню. Ответом было молчание. Впрочем, недолгое. Довольно быстро последовал встречный вопрос: «А вы никак пришли его организовать?» После очередной небольшой паузы, в течение которой нас с любопытством изучали пять пар внимательных глаз (включая собачьи), мы поинтересовались, где находится дача Полетаевых. Женщины выразили недоумение и организовали небольшое совещание, по окончании которого дали не очень вразумительное объяснение: скорее всего, это пустующий коттедж по левую сторону, «аккурат на отшибе». Больше негде. Он в деревне один такой – законсервированный. В остальных нормальных домах нормальные люди живут. В основном пенсионеры. Молодежь в город подалась, на заработки. Заодно выяснилось, что строение никаким Полетаевым не принадлежит. Никто из тетушек и не слышал о владельцах с такой фамилией, тогда как мимо них ни одна ворона в безвизовом режиме не пролетит. Скорее всего, эти Полетаевы просто на днях тайком сняли хоромы у каких-нибудь родственников настоящих собственников и тайком же заехали. То-то в третьем часу ночи собаки брехали. Что же касается хозяев, то они вроде разбились на машине, но был слух, что в полном составе, включая совсем лысую, но дорогущую валютную кошку, сбежали за границу. Еще полгода назад, по политическим мотивам – преследования со стороны властей как узников совести. Ими тут многие серьезные господа интересовались. Но если верить слухам, глава семьи перед этим возглавлял какое-то ЖКХ и наворовал столько, что обскакал первых российских миллиардеров. Ясен месяц, любая захудалая заграница лучше самой благоустроенной зоны с сопутствующей конфискацией богатого имущества. Наверное, хозяин считал, что свобода совести должна быть неограниченной, по этому канону и жил. Но жители деревни были уверены: ограничивать ему нечего, никакой совести у беженца и в помине не было. Если он, конечно, не погиб в автокатастрофе.

Женщины настырно пытались выяснить, кто мы такие, из какой немыслимой грязи вылезли и зачем нам какие-то Полетаевы. Наташка отделалась короткими, но емкими ответами: «Мы пешком из первопрестольной. Грязные, потому как толкали попутные застрявшие машины, а Полетаевы, чтоб им пусто было, на фиг нам не нужны». Пока удивленная троица анализировала ее слова, мы поспешно ретировались. Не менее удивленные нашим видом собаки сочли своим долгом сопроводить нас до конечной точки, старательно облаивая с двух сторон и дружелюбно виляя хвостами.

Мне сразу не понравилось, что коттедж, якобы арендуемый Полетаевыми, расположился на отшибе. Еще больше не понравился высокий забор, отгораживающий его от внешнего мира. Поискав глазами кнопку звонка и не обнаружив, я принялась колотить в ворота ногами. Наташка мне активно помогала, сопровождая удары требованиями немедленно открыть желез-

ный занавес, не то хуже будет. Воображение рисовало самые страшные картины на участке, грохот стоял неимоверный. Испуганные собаки поспешили отбежать в сторонку, но своим яростным лаем являли собой достойную группу поддержки.

– Это не дача, это ловушка для Димки. За что? – в отчаянии простонала я, пытаюсь форсировать ворота сверху. Бесполезно. Обезьянье начало в моем генеалогическом древе засохло окончательно и бесповоротно. Мало того, в свое время я ненавидела уроки физкультуры и старалась отлынивать от них всеми возможными способами. Вот когда пришлось об этом пожалеть!

– Собаки гавкают, – в свою очередь простонала Наташка, прыгая на одной ноге – отбила пятку. – Полетаевы на нас собак натравили.

– Боялись мы их тьяканья! Из-за такого-то забора... – отважно заявила я и осеклась. Группы поддержки на прежнем месте не было. Со всей очевидностью именно она надрывалась по ту сторону, на участке.

Наташка не дурнее меня и поняла это мгновенно, мало того, она не прогуливала уроки физкультуры. В беге вокруг забора легко меня обошла, а посему в какой-то момент просто исчезла из моего поля зрения. В тщетной попытке не упустить подругу из вида, я обежала весь участок по периметру и только тогда поняла, что следовало высматривать не ее, а лазейку в заборе. Она оказалась с торцевой стороны. Оттуда уже тревожно верещала Наташка, органично вплетаясь в собачий хор. Коллектив интересовался, куда меня унесло. Судорожно пропев «иду-у», я метнулась к основательно отогнутой снизу секции забора и через эту треугольную амбразуру в половину человеческого роста мигом переметнулась на другую сторону. Возможно, кто-то из местных жителей пробовал тайком разобрать забор на металлолом, но не смог противостоять железному характеру ограждения. А может, просто решил поживиться тем ценным, что в спешке оставил хозяин в доме. Странно, почему Полетаевы первым делом не заделали дыру.

Убедившись в полной моей целости и сохранности, Наталья отогнала собак, организовавших бурную встречу. Я недоуменно озиралась по сторонам. Судя по окружающей обстановке, больше встречать нас было некому. Обиженные псы, потеряв к нам всякий интерес, с независимым видом потрусили к лазейке.

О том, что коттедж необитаем, в первую очередь свидетельствовал ряд забитых досками оконных проемов. То ли не дождались своих стеклопакетов, то ли дождались, но впоследствии лишились. Коттедж выглядел мрачно. Ничего удивительного, если дом утратил свое назначение и планы стать надежным и уютным семейным гнездом. Не украшал его даже дикий девичий виноград, разросшийся на приволье по всей стене.

– Слушай, да оба Полетаевых форменные психи! – всплеснула руками Наташка и с раздражением пнула какой-то засохший корешок.

Он не поддался – намертво врос в землю, за что подруга посла его к черту и тут же без всякого перехода предложила обратиться в полицию. Я молча хлопала глазами. Честно говоря, подобная идея возникла и у меня, просто Наташка высказала ее первой. Тут же разыграло чувство противоречия. Оно-то и заставило упрямо обосновать глупость этой затеи. Хотя был более приемлемый вариант отговорки: мобильники лежали в машине. Как-то вылетело из головы. В результате получилось не очень убедительно, но настырно: «А то полиции больше делать нечего, как разыскивать злоумышленников Полетаевых». Где основания к тому, что они намеренно заманили хирурга Ефимова в ловушку? Ничего плохого он им не сделал. А нас с Наташкой сюда вообще не заманивали. Сами явились, без приглашения. Полетаевы вполне могли застрять по дороге на арендованную дачу, а мобильники разряжены. Сестрица Валерии в неведении. В конце концов, заблудились люди. Имеют право. Не хуже нас. Что же касается неухоженности дома, то с фасада он наверняка выглядит лучше. Ряд помещений готов к временному проживанию. Сняли их за гроши. Зачем двоим Полетаевым огромные хоромы? А

свежего лесного воздуха здесь немерено, все условия, чтобы затаиться от коллег и друзей и тем временем поправить здоровье главы семьи.

– Я и говорю – психи! – заявила Наташка, впрочем, не возражая. – Ни за какие коврижки не стала бы проживать в нескольких комнатах заброшенного дома. Пусть даже с евроремонтом. По вечерам точно будет одолевать тоска по оружию обороны от неведомого противника. С ним бы ночи и коротала. Я имею в виду оружие. Лучше всего чугунная сковорода. Впрочем, Полетаевы могли приобрести этот особняк по сходной цене и постепенно осуществлять евроремонт. Тогда логично начать с места наилучшего ночного залегания – кухни, например. Приобрести водяной матрас... Блин, есть хочется! Так и стоит перед глазами родная кухня с шестичасовым ужином на столе. – Подруга взглянула на часы и присела на камень. – О! Внутренний таймер сработал. Ровно шесть. Но долг прежде всего. Ударились в демагогию, а надо Кикимора болотного спасать. Какая жалость, что Димка еще не приехал. Точно лес прочесывает – тебя ищет. Не может же он лишиться себя радости в очередной раз уличить жену в бестолковости. Лет двадцать будет поминать сей случай. Надо же так распустить мужика! Лично мне ка...

А вот лично мне ничего не казалось. Я была уверена: ветви дикого винограда, прикрывающие основную часть проема крайнего окна слева, были принудительно потревожены. Кто-то изнутри тайком, а потому осторожно пытался обследовать видимую территорию участка. Я инстинктивно рванула подругу за рукав и потянула вниз. Мы слаженно рухнули в высокий бурьян, возможно бывший когда-то газоном. Наташка даже не пикнула, зато приготовилась заорать. От неожиданности успела только открыть рот и набрать в него солидную порцию воздуха. Видимо, решила, что моя исключительная выдержка мне изменила и я, впад в состояние дикой ярости от ее нравоучения, больше не в силах противостоять любым словесным нападкам.

– Там-м-м... – промычала я, пытаюсь указать глазами на дом. От волнения получалось плохо. Глаза отчаянно косили, я никак не могла сфокусировать направление взгляда. Завороженная этим зрелищем подруга непроизвольно закрыла рот. – Первый этаж, последнее левое окно. Кто-то живой...

– А нам нужен мертвый? – не задумываясь, прошелестела Наташка. – И на фига он нам такой нужен? Мама дорогая! Лежа, я плохо соображаю.

– Тихо! Эта особь, скорее всего, мужского рода...

– Особист Полетаев, – услужливо подсказала подруга.

– ...просто прячется в особняке. Услышал наш стук да гром, плюс собачий перебрех и затаился. А сейчас вылез и пытается оценить обстановку – есть ли кто посторонний на территории.

– Нету, – уверенно прошептала подруга. – Здесь только мы.

– Тихо, говорю. Вот нам по полной программе и достанется, раз конкурентов не имеется.

– Не мели ерунды. – Наташка внимательно изучала все окна дома. – Хотя кое в чем ты права: этот человек сам боится. Если, конечно, он тебе не померещился. С чего бы ему прятаться? И кто его знает, чего этот тип со страху не наделает. Ир, а вдруг в особняке сам Полетаев? Бабы говорили, ночью кто-то приехал. Почему ночью? А потому, что тайком. Не зря Светлана Павловна за сестрицу опасалась. Чокнутый зять привез жену сюда, прикончил, а тело спрятал. Твой дорогой Ефимов заявится, на него он свою вину и повесит. Говорила же, надо звонить в полицию.

– Пустозвон! Забыла, что мобильники остались в машине?

Наталя тихонько ругнулась и прошептала:

– Как думаешь, мог Полетаев нас заметить?

– На этот вопрос точно ответит только он сам, но мне как-то не хочется его спрашивать. И вообще, наверное, зря трясемся. Есть и другое объяснение – перед нами прекрасный вид на

жительство какого-нибудь залетного бомжа. Дом пустой, почему же им временно не воспользоваться? Нашей машины на территории нет, следовательно, Димку искать здесь бесполезно.

– Ир, ты предлагаешь немедленно отсюда уползать?

Я кивнула и напредила, что в болоте нас ждет не дожидается Кикимор. Повалялись, отдохнули и будет. Подруга тоже кивнула и напредила, что он нас ждет не с пустыми руками. Надеется, что прибудем на «скорой» и с вещами. Только непонятно, где их брать. Еще раз кивнув в знак согласия, я предложила вломиться в дом и ограбить бомжа. Наташка возмущенно покрутила пальцем у виска, попутно выразила соболезнование родным мне людям. Это только в выдуманных триллерах героини шляют по пустующим строениям, будоража настырным вопросом «есть здесь кто-нибудь?» напряженную тишину, а заодно притаившегося в доме маньяка или, на худой конец, разгулявшегося призрака. Лучше попросить помощи у деревенских. С другой стороны, вдруг бандиты, от которых удрал Кикимор, местного разлива? Работы в деревне нет, каждый крутится, как может.

Я невольно поежилась и принялась изучать все оконные проемы строения. На сей раз ничего подозрительного не заметила. Порыв ветра слегка потрепал вольготно разросшиеся плети дикого винограда, они податливо закачались, но тут в доме что-то грохнуло.

Первым желанием было вжаться в землю так, чтобы сравняться с ее поверхностью. Второе желание – незамедлительно любым способом покинуть лежбище – воплотилось в реальность раньше, чем я попыталась реализовать первое. Дико взвизгнувшая Наташка вскочила с намерением опрометью нестись к забору. Я не могла оставить ее в одиночестве. Через пару секунд мы обе валялись на земле. Паника – могучий стимулятор безрассудности. Не понятно, каким образом мне удалось подвернуться подруге под ноги. Она в долгу не осталась. Новая попытка подняться закончилась новым акробатическим трюком. На сей раз Наташка подвернулась мне под ноги. Не знаю, сколько времени мы кувыркались бы на пути к забору, если бы я в попытке удержать равновесие намертво не вцепилась в сухой корешок. Вместе с ним Наташка и оторвала меня от земли. Он оказался своеобразной металлической ручкой, приляпанной к квадратной крышке непонятно из чего, зато понятно зачем. Крышка прикрывала лаз в яму, из которой несло отвратительным запахом гниющих отходов. К горлу подступила тошнота. Не в силах отцепиться от ручки я тупо таращилась на пронизанные белыми корешками ошметки дерна, отвалившиеся от крышки.

5

– Не надо нам тащить с собой этот металл, – избрав комбинированный метод убеждения, Наташка шлепала меня ладонью по правой руке, насильно пытаюсь отнять крышку. Одновременно бросала тревожные взгляды в сторону дома. А я никак не могла разжать пальцы. – Этой закрывалкой наш болотный Кикимор все равно не прикроется. Блин! Ир, ты меня слышишь? Тебе еще омлет Ефимову готовить.

– В яме застарелый труп, – промямлила я и отпустила ручку. Щит больно ударил по лодыжке, вынудив взвыть.

Наташка подняла его и с ворчанием пристроила на место.

– Ясновидящая ты наша! Труп нам и подавно не нужен. Ни молодой, ни старый. У нас Кикимор есть. Фига себе! Ирка, замри и не разгибайся. В окне нагло торчит чья-то белая рожа. И не просто торчит, а качается из стороны в сторону. Эк ее заносит-то. Ща как кувыркнется из окна! Либо она нас не видит, либо уже не боится. О! Скрылась. Надо бежать. К людям. Не хочу стать содержимым ямы. Ты тоже будешь смотреться там плохо. Тем более в грязном прикиде.

Я нашла в себе силы оглянуться. Непонятно зачем. У страха, как известно, глаза велики, но я своими ничего не видела, ибо плотно их зажмурила. На всякий случай. Мало ли что померещится, вообще закаменею. А в следующий момент, увлекаемая Наташкой за руку, я уже скакала к дырке в заборе. Глаза автоматически распахнулись сразу же после первого скачка – от новой волны ужаса. Клины клином вышибают. Просто представила себе, как по собственной дурости лечу в яму. В грязном прикиде.

Сразу бежать к людям раздумали за забором. Для этого следовало обогнуть сумасшедший участок и пролететь мимо ворот. А вдруг особист с белым лицом прямо за ними нас и поджидает. Высматривая в щелочку, держит наготове винтовку с оптическим прицелом. Или другое оружие, не принципиально. Отчаянно петляя, мы ломанулись прямо в лес, намереваясь кружным путем добраться до противоположного конца деревни.

Я никогда еще так не радовалась зарослям кустов, нещадно рвавшим одежду в неживописные клочья. С помощью зарослей легко затеряться, что мы и сделали. Примерно через полчаса безумной скачки оказались на пустынной лесной дороге, украшенной столбиком с указателем: Лискино. И, тяжело дыша, застыли такими же столбиками, не отрывая глаз от названия. Вне сомнения, дорога была той же самой, на которую мы вышли, проложив маршрут от болота с Кикимором к даче Полетаевых.

– Нам вообще-то Ласкино нужно, – пробормотала я, приглаживая растрепанные волосы.

– Ага, – с готовностью согласилась Наташка. – Надо же, сколько похожих названий.

– Похоже, мы ошиблись направлением, – отрешенно добавила я. – Надо навестить Кикимора и поддержать морально. Ну, в том плане, что скорая помощь не за горами. Вместе с одеждой. Затем быстренько сбегает в Ласкино. В Лискино возвращаться не хочется.

Из-за организованного ветром шума мы не сразу услышали звук подъезжающей машины. А когда услышали, не поверили своим глазам. На дороге стояла родная «Нива», и из нее неспешно вылезал мой родной муж. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего, но уж что может быть хуже той ситуации, из которой мы только что выбрались. В тот момент он мне казался ангелом-спасителем.

Наташка с рыданиями бросилась Дмитрию Николаевичу на шею. Опередить ее я не могла. От счастья подкосились ноги, так что я просто присела на дорогу, улыбаясь и размазывая по физиономии несуществующие слезы. С удовольствием бы заревела, да не получалось. Кажется, первый раз в жизни Димка растерялся. И совсем не от необычности моего наряда. Он-то как раз соответствовал его ожиданиям. Просто считал невозможным стряхнуть с себя Наташку, находящуюся, по его мнению, в состоянии, близком к помешательству. С другой сто-

роны, уже достигшая этого состояния жена нуждалась в неотложной психиатрической помощи. Хотя, на мой взгляд, все было с точностью до наоборот. Перемежая рыдания с речитативом, Наташка несла жуткую ахинею про неявку к шестичасовому ужину, ставящую под угрозу ее режим похудения. И что этот режим лично для нее полная фигня, ибо от него худеет только Борис. А покойнику, проживающему в яме, он вообще не нужен. Сюда же был приплетен Кикимор болотный, наверняка позеленевший от холода и голода. Венчал словесное творение подруги короткий рассказ о сволочном особисте, намеревавшемся оставить хирурга Ефимова без фирменного оmlета жены. На всю оставшуюся жизнь.

Я попыталась внести коррективы, но только добавила несуразицы. Больше всего Димку поразил наш слаженный и решительный отказ сесть в машину. При этом Наташка клятвенно заверяла, что «Нива» если и вездеход, то не амфибия и по болоту точно не поплывет. При этом ссылалась на мой авторитет: «Ирка плавала, знает». Я, в свою очередь, талдычила про больную ногу голого Кикимора, которого мы вдвоем легко перетащим на себе, взвалив его на спину Димке. Кикимор ничем не лучше мешка с картошкой, только немного – килограммов на сорок – тяжелее.

Кончилось тем, что хирург Ефимов позорно сбежал в машину, уселся за руль и пристегнулся ремнем безопасности. Оттуда и предпочел вести осторожные расспросы. Надо отдать ему должное – весьма мастерски. Какие-то пятнадцать минут, в течение которых он обращался к одной из нас, одновременно затыкая рот другой, дали прекрасный результат. Круглый дурак, стоя в стороне на обочине, разобрался бы, а уж такой, как Дмитрий Николаевич... Я имею в виду, редкий умница.

К месту временного обитания Кикимора мы почти бежали. И как вскоре выяснилось – зря. Торопиться было некуда, вернее, не к кому. Бедолаги на прежнем месте не оказалось. Не было его и в окрестностях болота. От Кикимора осталась только Наташкина голубая кофта, сомнительно украшавшая сухую корягу. Моя ветровка, похоже, исчезла вместе с ним. Наташка тут же отметила, что Сергей человек порядочный, прихватил, что похуже.

Димка поскутнел и, с сожалением глядя на свои грязные ботинки, предложил немедленно выбираться к машине. Подруга тут же вспомнила про одинокого и голодного мужа, но жалела его недолго. Выяснилось, что, разыскивая Наталью, Борис позвонил ей на мобильник. То бишь в машину. Дима и сообщил другу соседу, что все путем. Непутевая Наталья вместе с непутевой Ириной блуждают по лесу в трех соснах, играя в прятки, а он их ищет. И надеется вскоре вернуть ему его блудную жену. Борис очень обрадовался и посоветовал с поисками не спешить. Пусть Натуля вдоволь надышится лесным ароматом. На таком воздухе и спится лучше. Приятель пригласил Бориса на одно интересное мероприятие, связанное с компьютерными технологиями, и он не намерен упускать столь удачное стечение обстоятельств.

Наташка насторожилась и потребовала разъяснений: что значит «на таком воздухе и спится лучше»? Почему-то у меня. Димка, успевший ушагать вперед, вопроса не слышал. А я ответила, как смогла. Скорее всего, Наташкин шестичасовой ужин поменял статус – превратился для Бориса в званый, мало того, он перенесен на другое, более позднее время, в другое место и с другим набором участников. А мы с ней тоже не внакладе – будем приглашены к Полетаевым. Преимущества налицо – не надо возиться с готовкой и мыть посуду. Достаточно просто забыть про долг вежливости и не навязываться хозяевам с предложением помочь. Перед ними сказочная задача: как можно скорее от гостей отделаться, то бишь накормить и спать уложить. Наше право согласиться – полностью или частично.

– Частично, – быстро отреагировала подруга. – После сегодняшних злоключений очень хочется домой. О, смотри-ка, кажется, Полетаевы прикатили. Улыбайся, улыбайся приветливей, наши улыбки отвлекут их от детального изучения нашего же внешнего вида. Не зря говорят, по одежке встречают...

Слова приветствия и приглашение в гости, густо замешанные на изумлении, сорвались с губ Валерии автоматически. В смысл она не особо вдавалась. Я поняла только то, что мы с Наташкой не соответствуем светлым тонам мягкой мебели столовой, но обивку всегда можно сменить. Две недели назад ее им без проблем поменяли. И протянула нам шоколадку, которую из чувства признательности мы немедленно съели, оценив ее как замечательно вкусную. Название я не запомнила – куда-то запропастилась обертка. Неужели тоже съели?

Станислав Аркадьевич вылезать из машины не торопился. Выронив ключи, он возился с их поисками, но проявил из-под водительского кресла большее гостеприимство, нежели Валерия. Так прямо и заявил, что несказанно рад нашей встрече и не отпустит нас, пока мы не побываем у них в гостях. Сама судьба привела нас сюда и не стоит ей противиться. Когда же он распрямился и вылез, мы поняли, что по выражению его лица трудно определить, искреннее приглашение или нет. Потому что лица практически не было. Основная его часть скрывалась под марлевыми повязками, закрепленными пластырем.

Полетаев, на мой взгляд, повел себя слишком прямолинейно. Поигрывая ключами от черной «Ауди», он с усмешкой поинтересовался, где нас нелегкая носила. Всю округу объездили в поисках. Забраться в такую даль от места назначения под силу только некоему домашнему животному, для которого семь верст не крюк. Потупив взгляд, я внимательно изучала свои и Наташкины раскисшие туфли. Размышляла, стоит ли говорить правду. Этот Станислав, оказывается, любитель хамить, высмеет только так. Наташка же с ответом не задержалась, надменно заявив, что верста версте рознь. Она бы и дальше поучала Полетаева, но тут выяснилось, что званого ужина не будет. Появился Дмитрий Николаевич с какой-то старой хламидой и, заботливо накиннув ее мне на плечи, дал указание быстренько загружаться в машину. Обратная дорога к родному дому наверняка чревата многочисленными пробками. Мы с Наташкой переглянулись, еще не решив, является ли столь поспешный отъезд благом. Подруга пробормотала что-то про разгрузочный день и, развернувшись к Полетаевым задом, громко и язвительно заявила, что здешние семь верст – точно до небес и все лесом. А посему лично она первый и последний раз посетила эту негостеприимную местность, где нормальных людей грабят до трусов, а потом загоняют в болото.

Реакция была незамедлительной.

– Пойдите! – обеспокоенно воскликнул Стас. – Это кого же ограбили до трусов в болоте? Надеюсь, не вас?

– Надейся, – оглянувшись на него, бросила Наташка. – Не нас. Какого-то мужика, его то ли Иваном, то ли Сергеем зовут. Запомнил бедняга собственное имя. А вот вас, господин Полетаев, он точно помнит. В качестве вдовца, женатого на Валерии.

– Наталья, прекрати! – оборвал Димка гневную речь моей подруги. И, обратившись к Полетаевым, добавил: – Не стоит принимать во внимание высказывания Натальи Николаевны. Налицо результат нервного потрясения, кроме того дамам нужна отговорка, чтобы оправдать свой разброд и шатание в здешних лесопосадках. Вот и насочиняли... семь верст до небес и все лесом.

Наташка внимательно посмотрела на моего мужа, подбоченилась и мигом организовала перепалку. Словесный спор между ней и Димкой иногда перемежался восклицаниями Полетаева. На меня никто не смотрел, зато я гладела то на разом потускневшую и явно испуганную Валерию, то на Стаса, безуспешно пытавшегося выяснить, где именно находится злополучное болото. Для усиления эффекта подруга время от времени ссылалась на яму, в которой спрятан убиенный покойник. Он, мол, может подтвердить ее правоту о безумности здешних мест.

– Как мужик выглядел? – надумал обратиться ко мне Стас. Слова звучали резко и отрывисто.

Я нехотя пояснила, что детально пострадавшего не изучала. Обыкновенный мужик в трусах и с растяжением в области голеностопа. А может, и переломом. В конце концов, обеспо-

коенный Полетаев предложил показать ему дорогу к болоту. Вдруг они с Валерией все-таки обнаружат жертву грабежа. Возможно, знакомую им, если учесть, что сама жертва их знает. Нельзя спать спокойно, сознавая, что могли оказать помощь пострадавшему, но не оказали, а он возьмет и скончается.

Кончилось тем, что все под предводительством Дмитрия Николаевича отправились к злополучному болоту. На полпути Полетаев вспомнил, что не закрыл машину, обругал Валерию за невнимательность и бегом кинулся обратно, потащив ее с собой. К нам присоединился сравнительно быстро, только с другой стороны. Снова обругал Валерию за невнимательность (выяснилось, что машину он все-таки закрыл) и с треском, перемежаемым чавканьем, принялся нарезать круги вокруг болота, попутно призывая то Ивана, то Сергея откликнуться. Вот только тон его голоса мне показался зловещим. Во всяком случае, я бы на месте этих «двух» разнопоименованных, но содержащихся в одном «флаконе» точно не отозвалась. Зря, конечно, придиралась. Лазить по местности, пересеченной сушняком и проваливающимися под ногами кочками, еще то удовольствие. Стас как мог, так его и выражал. Димка по совету Полетаева методично зондировал шестом болотную жижу в пределах доступности, непонятно зачем и без особого энтузиазма. Мы с «замороженной» Валерией стояли на относительно сухом пятачке и слушали язвительные комментарии Натальи по поводу бестолковых поисков, предпринимаемых еще более бестолковыми людьми.

Через полчаса все, кроме жены Полетаева, выглядели примерно одинаково грязными. Примерно – поскольку Дмитрий Николаевич в этом плане явно лидировал. Возвращавшийся к нам в сгущающейся темноте Стас оступился и опрометчиво избрал его в качестве устойчивого камня преткновения. Не выдержав натиска, Димка рухнул в болото. Как человек предусмотрительный, вместе с шестом. За шест его и вытянули, радуясь, что никому не надо по пояс лезть в болотное месиво.

О немедленном возвращении в Москву в таком виде не могло быть и речи. Все это прекрасно понимали. При свете фар смотреть друг на друга было жутко. Полетаев счел своим долгом озвучить сей вывод вслух, осчастливив нас любезным оскалом, означающим в его понимании приветливую улыбку. Наташка тут же попросила Стаса не корчить рожи, и без того тошно сознавать, на что угроблен целый день нашей жизни. Полетаев отвернулся, а Валерия сухо напомнила об автомобильной аварии, в результате которой Стас просто вынужден корчить рожи. И окружающим придется с этим смириться, хотя бы до его окончательной реабилитации после очередной пластической операции.

– А пока милости просим к нам, – добавила она, сменив гнев на милость. Приглашение прозвучало радушно.

– Да с превеликим удовольствием, – без всякого энтузиазма промямлил Димка, брезгливо смахивая с себя ошметки приставшей тины. – Наталья, ты бы помолчала немного – до ужина. Экономь силы.

– За едой я вообще молчу. Что ж мне теперь... Ир, ты мне всю левую туфлю оттоптала. Для сведения – твои физические намеки бесполезны, потому как моя левая нога босая. Стоит отдельно от туфли. Извини, Стас, если обидела тебя. Лягнула, не подумав.

– Подумав, было бы еще хуже, – заверила я всех и пожаловалась на голод, холод и сгустившуюся темноту, весьма убедительно выбивая зубами дробь. Заодно напомнила о сомнительной безопасности нашего стихийного собрания на лесной дороге. Все сразу засуетились, рассаживаясь по машинам.

По дороге к даче Полетаевых Димка молчал, игнорируя даже простые вопросы, типа «стоит ли нам оставаться у них на ночь?». Такое впечатление, что ничего не слышал. Постепенно мы смолкли. За окном была непроглядная темень, только впереди живым маячком светили габаритные огни машины Полетаевых. Не ко времени Димкино молчание развеселило. Наташка без устали изобретала рецепты прочистки ушей хирургу Ефимову, я одобряла все

и подхихикивала. Но отозвался он только перед автоматическими воротами. Пришлось остановиться, поскольку Полетаев опять выронил ключи и, согнувшись пополам, пытался определить, куда они завалились. Мне вспомнился эпизод из бессмертной комедии Гайдая «Операция "Ы"», в котором Балбес взламывал замки склада. Вот тут-то я, зевая, и спросила у Димки: «Вы не скажете, как пройти в библиотеку?»

– Значит, так, – сурово заявил он, и я невольно напряглась. Не ожидала, что разговорится. – Меньше болтать! А если болтать, то на пустые темы. О погоде, например. Главное, не затрагивать причину, по которой нас сюда занесло. Ехали в Николаев и сбились с дороги. В поисках ее и разбрелись. На счастье я вспомнил, что где-то в здешних местах должна быть дача Полетаевых, связался с ними по мобильнику. Они разъяснили ошибку и помогли отыскать вас.

– Дмитрий Николаевич, вы повторяетесь, – фыркнула Наталья. – Мы с вами чуть раньше договорились щадить психику Стаса. И хорошо помним, что прибыли сюда по наводке сестры Валерии, проверить его вменяемость.

– Дело в том, что у Валерии нет никакой сестры, – задумчиво проронил муж. – И никогда не было. Одна она у папы с мамой.

– Откуда ты знаешь? – забеспокоилась я.

– Передал ей привет от Светланы Павловны, она поблагодарила и поинтересовалась, что это за особа. Сказал, что перепутал, сочтя Светлану сестрой Леры. Ну, Полетаева и призналась: она дочь-одиночка. Имеется и еще кое-что, о чем я предпочту умолчать. Время отъезда оговорим дополнительно.

6

– Фига себе! – выдала подруга громким шепотом.

– Не фигу-а-а, – машинально прогудела я, пытаюсь осмыслить Димкины слова в отношении «еще кое-чего», о чем он предпочел умолчать. Лучше бы вообще ничего не говорил на эту тему. Самозванство же «сестры» Валерии не удивило. Ну представилась родственницей, считая, что в этом качестве ее речи будут восприниматься более убедительно. Скорее всего, она просто близкая подруга Полетаевой. Иной раз друзья бывают ближе родных.

Из машины мы с подругой вылезли сонные и подавленные, не обратив никакого внимания на коттедж Полетаевых и фасадную часть участка. Может, из-за того, что освещение было недостаточным? У крыльца светил только один фонарь. Виктория сразу извинилась за некоторый беспорядок в доме. Помощница по хозяйству отпросилась по семейным обстоятельствам на два дня и вот уже третью неделю отсутствует. К ее старым семейным обстоятельствам добавились новые: женщина сломала руку. А найти равноценную замену – честную и порядочную – весьма проблематично, да и прежняя помощница просит подождать немножко, врач обещал через месяц снять гипс.

– Ничего страшного, у нас дома тоже бардака хватает, – проявила я тактичность. Стандартный ответ на стандартное извинение.

– А в части помощницы по хозяйству мы с Ириной практикуем взаимовыручку, – подсказала Наташка. – При необходимости друг другу помогаем. Бесплатно. Существенная экономия денежных средств. Если сей момент нужна наша помощь в части ужина...

Тяжелый вздох подруги и ее красноречивое обследование своей одежды свидетельствовали о готовности принести себя в жертву обстоятельствам. В результате через несколько минут мы уже согревались, бегая по маршруту «душевая кабина – сауна».

– Живут же люди, – тая от жары и умиротворенно улыбаясь, бормотала подруга. – Домработница, дача со всеми наворотами... Ир, сбрендить можно от безделья. Лично меня такая жизнь спровоцировала бы на вспышки стервозности. Первым делом цеплялась бы по каждому пустяку к домработнице, параллельно к мужу, затем... Эх, жалко, Лешик женился в загранке. Повезло невестушке. Ладно, затем...

– ...затем твой муж задумался бы о замене когда-то любимой жены на более подходящий вариант. Должен же он после трудов праведных и неправедных, но приносящих сверхприбыль душой отдыхать. Через парочку месяцев понял бы, что очередной раз ошибся в выборе...

– Ни за что не прощу!

– Так он и не вернется. Будешь жить спокойно прошлым на свою зарплату, развлекаться в судах по поводу честного раздела имущества. А он тем временем осчастливит очередную молодую, красивую.

– Ирка, ты перегрелась?! Что-то я не пойму, на чью мельницу ты воду льешь? Одобряешь тот факт, что Борис пошел по рукам?

– При чем тут Борис? Разве он олигарх?

– Ос-споди, так это я пошла по рукам? Давай-ка вылезать из этой пароварки, пока не разбогатели.

Валерия с мужем ждали нас в столовой, коротая время за просмотром старой комедии. Я отметила ее заботу о Стасе. Приглушенный свет бра был призван сгладить впечатление от его заклеенного лейкопластырем лица. Правда, сам Стас по большому счету в столовой отсутствовал. Он дремал. Женщина тихонько извинилась от имени мужа, пояснив, что он много работает. За время его отсутствия на службе накопилась куча нерешенных вопросов, вот он в меру сил разгребаает завалы. Очень устает. Если и присоединится к нашей компании, то позднее, когда проснется.

– А где наш... – заикнулась было Наташка.

– Дмитрий Николаевич все возился с машиной, ждал, когда освободится сауна, – с готовностью подсказала Виктория. – Я думаю, надо приступать к ужину, он скоро подойдет, голодным не оставим. У нас большой омлет, чай, бутерброды, утром будет более качественный завтрак.

При слове «омлет» мне сразу похужело. Собственно, с него вся эта история и началась. Сидели бы сейчас на собственной даче, радовались предстоящим отгулам, приезду детей...

За ужином почти шепотом вспоминали детали наших с Наташкой походов. Валерия, с беспокойством поглядывая на мужа, ахала и охала, словом, сопереживала в полной мере. Иногда невпопад. Больше всего ее взволновало Натальино красочное описание конечного результата ошибочного визита на чужой пустынный участок.

– А вы уверены, что в яме был труп? – сжавшись в комочек, спросила она с дрожью в голосе.

– Уверены! – отрезала подруга. – Ирина туда не заглядывала, а я краем глаза заметила: внизу что-то чернеет. Или белеет, точно не помню. Еще оно, кажется, выло. Надо бы заявить, куда следует.

Валерия пискнула и схватилась левой рукой за сердце. Я поспешила заверить ее, что Наталья стусила краски. Никто из ямы не выл. Чуть раньше выл только Кикимор, да и то из болота. Трупом он точно не был. И раз Кикимор знает Полетаева, то и Полетаеву этот местный абориген должен быть знаком. Я сочла возможным повториться и с жаром описала заросшую густой щетиной внешность Ивана-Сергея. Стас громко всхрипнул, Валерия тут же откристилась от знакомства с Кикимором. На мой взгляд, слишком поспешно. И постаралась успокоить нас обеих – пообещала, что завтра Стас непременно навестит проблемный участок. По результатам и примем решение. А сейчас всем необходимо отдохнуть. Дальше что-то говорила Наташка. Кажется, одобряла решение Полетаевых, продавших свою столичную квартиру, поселиться в Ласкино. И настоятельно советовала не хранить вырученную от продажи сумму в доме. Продолжения я не слышала – просто-напросто уснула, положив руки на стол и уткнувшись в них лбом. Сквозь сон слышала тихий смех, ласково-издевательский голос Димки и... тоскливый вой болотного Кикимора...

В начале пятого утра я с удивлением обнаружила себя лежащей в незнакомой комнате, на незнакомой широкой кровати, в знакомом по сауне голубом махровом халате. Невыносимо хотелось пить. Слабенький свет телевизионного экрана демонстрировал безболезненный приступ мигрени – сплошные мушки перед глазами. Этот ночной светлячок соперничал с тусклым рассветом, казавшимся экранной заставкой в рамке небольшого окна с откинутыми занавесками.

Рядом завозился и забормотал Димка. Даже во сне учит меня уму-разуму. Я легонько потрепала его по плечу и тут же кувыркнулась назад на подушку. Еще не хватало, чтобы обвинил меня в принудительной побудке. Проснется, вскочит, сделаю вид, что это он меня разбудил. Прошу его за вчерашний утренний выпендрег с омлетным уходом и попрошу принести водички. Заодно упрекну в забывчивости – перед сном не выключил телевизор.

Димка просыпаться не желал даже после повторной, более настырной встряски. Очнулся после пятой и то лишь ради того, чтобы разрешить мне спуститься за водой. Повернувшись на другой бок, промычал что-то про тормозную жидкость в голове, только я не поняла, чьей именно. Продолжением был легкий храп.

А жажда становилась просто невыносимой. Воображение рисовало Бернские фонтаны с питьевой водой из родников, берущих начало в Альпах, затем просто пятилитровый баллон воды, приобретенный в магазине, и, в конце концов, стакан водицы просто из-под крана. Увы, подать его мне было некому. Спрашивается, зачем замуж выходила?

Жалела я себя не очень долго. Перешла к способам отмщения. Последний из них оказался самым изощренным: объевшийся вяленой воблы муж тщетно пытался утолить жажду невозможно сладким малиновым сиропом. В доме не было ни капли воды. Такая досада – отключили без предварительного уведомления в связи с аварийной ситуацией. Я, вроде как сторонняя наблюдательница, явственно ощутила во рту вкус малинового сиропа, челюсти склеили, нахлынул резкий приступ тошноты. Плохо соображая от нарисованной сознанием картины, в один миг сорвалась с кровати и, выскочив босиком в коридор, принялась носиться по нему в поисках лестницы, ведущей вниз. Не сразу дошло, что лестницы нет и не может быть, ибо наша гостевая комната находилась на первом этаже. Я моментально вспомнила, где находится кухня.

К вожаденному холодильнику подскочила с радостным предчувствием скорого освобождения от мук обезвоживания. Увы, внутри не было и намека на бутылку с водой. Пусть даже газированной, которую я терпеть не могу. Полки украшали пакеты, пакетики и пластиковые емкости с разносолами. Общую картину «сухостоя» оживляла только начатая двухлитровая банка с маринованными помидорами. За отсутствием альтернативы я одним махом выдула весь маринад прямо из банки, заела его помидором, отметив отличный вкус, и только потом слегка расстроилась. Прекрасно понимала, что через пару минут жажда еще больше усилится. Ну хоть какая-то передышка. А несколько мгновений спустя я недоуменно таращилась на прижимающийся к мойке кран с фильтром для питьевой воды. Димка прав, я классическое порождение неразберихи...

На этом сеанс самобичевания и оборвался. «Клетчатое», прямо-таки тюремное окно кухни, вид из которого на парадный и, судя по всему, единственный подъезд к дому я неосознанно обзревала, продемонстрировало явление «упакованного» в свою иномарку господина Полетаева. Разумеется, меня одолел приступ острого любопытства: куда это такую рань его носило? Я было решила ему посочувствовать, приветствовав «добрым утром», но он исчез. Ненадолго. Вернулся вместе с Валерией, и супруги сердито о чем-то заспорили. Кажется, она всплакнула. Полетаев вновь залез на водительское сиденье, Валерия в согбенном над ним состоянии всплескивала руками и о чем-то его просила, то и дело поправляя съезжающий с плеч плед. Сообразив, что неудобно вмешиваться в семейные разборки, я отыскала в шкафчике пустой полторалитровый графин, наполнила его водой и заторопилась в комнату с намерением опередить возвращающихся в дом супругов. Взглянув еще разок в окно, я присела на табуретку. Валерия тащила к воротам завернутый в плед сверток, ловко уворачиваясь от попыток мужа его отнять.

– Сiju за решеткой на кухне чужой... – немного хриловатым голосом и заунывно дала знать о своем прибытии Наташка.

Я вскочила, едва не выронив графин. Подруга вовремя его подхватила и одним махом с удовольствием опустошила на треть. Сделав передышку, довела уровень воды до половины. Хотела прокомментировать результат, но взглянула в окно и ахнула: «Бат-тюшки!» Вполне обоснованно. Почти у самых ворот супруги Полетаевы ожесточенно перетягивали друг у друга выпавшие из пледа темные брюки. Кажется, мужские. Окончательной уверенности в этом не было. Под мышкой Стас зажимал что-то, похожее на пиджак, это создавало ему определенное неудобство и обеспечивало Валерии преимущество в тактике захвата. Время от времени она, не отпуская штанину, ухитрялась дергать пиджак за свисающий рукав, и тогда Стасу приходилось туго.

– Борьба за передел давно поделенного имущества? – предположила подруга, сделав очередной глоток из графина. – Прекрасная разминка для пяти утра.

– Боюсь, тут более серьезная причина, – задумчиво проронила я. – Как-то странно они себя ведут. Могу, конечно, ошибаться, но мне кажется, что супруги делят «шкуру» неубитого, а может, уже и убитого «медведя». Точнее – знакомого нам болотного Кикимора. Не зря вчера

место его залегания осматривали. Полетаеву что-то удалось обнаружить. Личность Кикимора им точно известна.

– Так это они грабители с Большой дороги? Раздели мужика, а сейчас его верхнюю «шкуру» делят. На память, что ли? Я имею в виду, вечную, – ужаснулась Наташка и велела немедленно трубить подъем Ефимову. – Ну их всех куда подальше, надо линять отсюда. – Подруга опять взглянула в окно. – Мама дорогая! Ирка, дележка окончена. Лично мне по фигу, в чью пользу, главное, оба сюда направляются. Так: рокировка! Меняем подъем на спячку. Быстро по комнатам! Вроде как дрыхнем. А все нормальные люди в пять утра еще спят. Кроме дворников-таджиков. Они сами не спят и другим не дают. Вот шаркают своими метлами по асфальту! – тараторила на бегу Наташка, прижимая к груди графин. – Блин, выплеснулась... – жалобно промямлила она, притормозив на пару секунд и растерянно взирая на небольшую лужицу. – А-а-а, шут с ней, пол протирать не будем, мы все-таки в гостях. Пусть хозяева думают, что крыша протекла. Нырять в койку, да не в моей комнате, бестолковка! – Наташка резко развернула меня вправо. – Совсем нюх потеряла, тебе – туда. Ляжешь и сопи изо всех сил.

– Если у Полетаевых совесть чиста, им незачем устраивать нам проверку, – успела прошептать я и бесшумно нырнула в комнату.

Ложиться не торопилась. Прикинув одним глазком к намеренно оставленной в двери щели, с удовлетворением отметила, что требуемая часть холла мне видна. Слух не пригодился. Супруги разговаривали жестами, благо руки были свободны. Интересно, куда успели спрятать шмотки? Полетаев красноречиво тыкал указательным пальцем на то место пола, где Наташка организовала «протечку крыши». Оба супруга переглянулись. Стас наклонился, осторожно смочил палец в воде и поднес к носу. Вода, как известно, запаха не имеет, не знаю, что он там унюхал, поскольку сунул тестируемый палец под нос жене. Я невольно поморщилась, но она, старательно пригнувшись, недоуменно пожала плечами и что-то пробормотала. Оба усталились в сторону наших спален, затем снова обменялись понимающими взглядами.

Прикрыв дверь и одолев в несколько прыжков расстояние до кровати, я брякнулась на живот поверх одеяла, благо халат позволял, и взъерошила волосы. Конспирация была обеспечена. Как нельзя кстати продолжали мельтешить мушки телеэкрана – доказательство нашего спокойного и беспробудного сна. Уснули, забыв об экономии электричества и полетаевских денег. Димка даже не пошевелился.

Дверь бесшумно приоткрылась. Я почувствовала это по легкому дуновению сквозняка и старательно засопела...

Весьма неприятное ощущение, когда знаешь, что за тобой наблюдают. Главное, неизвестно, когда сия неприятность кончится. То ли дело у нас на даче. В какой бы комнате ни находилась, всегда начеку, потому как они на своеобразной сигнализации. Каждая дверь, пребывая в рабочем режиме, нещадно скрипит. Просто замечательно. За исключением случаев, когда у вас все дома, а сами вы прилегли отдохнуть.

Досчитав до девяноста, я решила «проснуться». Для начала пошевелилась, затем зевнула и с деланным удовольствием потянулась. Перевернувшись на бок, предприняла попытку медленно привстать, но невольно вернулась в исходное положение. Откуда-то слева раздался грохот, сопровождаемый отчаянными женскими визгами. Им вторил трубный мужской глас, призывающий «дорогих женщин» успокоиться. Не совсем проснувшийся Димка, прикрыв голову подушкой, потребовал убавить звук телевизора и, решив подвинуться на середину кровати, упал на пол. Лежа на прикроватном коврикe, он вслух соображал, почему его половина «лежанки» сменила ориентацию. «Выход» не с той стороны. Спросонья решил, что мы находимся на даче. Но быстро освоился с обстановкой. Сразу после моего ответа на его вопрос, «каким Макаром нас сюда занесло?». Разумеется, я ответила по легенде: ехали в Николаев,

по дороге заблудились. На счастье, он вспомнил, что где-то в этом районе дача Полетаевых, они нас и приютили.

Димка взглянул на телевизор.

– А что за собрание в коридоре? Кто-то кричал или мне приснилось?

– Не приснилось, орал в Натальиной «временке», но я боюсь выглядывать.

7

Бояться не стоило. Полетаевы разбирали в Наташкиной комнате баррикаду из стула и кресла – тоже своего рода охранную сигнализацию, блокирующую свободный доступ к Наталье. Попытка супругов приоткрыть дверь явилась сигналом к действию системы. Сама Наташка, приложив одну ладонь ко лбу, другую к сердцу, с болезненным видом и хитрым блеском в глазах сидела на диване. Подлетев к ней и еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, я принялась проявлять сочувствие, поглаживая ее по плечу.

– Что случилось? – забеспокоился Димка.

– Не видишь? – огрызнулась я. – В Наталью швырялись мебелью.

Подруга громко всхлипнула.

– Да никто в нее ничем не швырялся, – растягивая слова, пояснил Стас, скромно отойдя в сторонку. – Она зачем-то заложила дверь креслами.

– Зачем-то! – возмутилась я. – Наталья человек предусмотрительный, ведь кто-то же пытался к ней проникнуть, раз это сооружение грохнулось.

– Но вы же не баррикадировались, – мягко отметила Валерия, откидывая со лба волосы.

– Откуда вы знаете? – тоже мягко спросила я. – А если и так, нас же двое. Мне за Дмитрием Николаевичем спокойно, как за каменной стеной. Монолит. Всегда на страже моих интересов, даже во сне.

– Гм-гм... – заявил о своем присутствии Димка. – Наталья, был повод для беспокойства?

– Бы-ыл... – плаксиво протянула Наташка. – Полночи кто-то мимо комнаты шлялся. И это в то время, когда все спали. У меня слух, как у совы.

– И все-таки тебе послышалось, – с нажимом заявил Стас, изучая пол у двери. – Все действительно спали. Мы с Лерой вообще не выходили из комнаты, если только Ирина или...

– Ирина со своей «каменной перегородкой» тоже не выходили, – вступился за нас Димка.

– Не послышалось! – взвилась Наташка. – И не привиделось. Окна этой комнаты выходят на задворки вашего участка, ночью там кто-то разгуливал. Такое впечатление, что без одежды.

Не будь я уверена, что Наташка издевается над Полетаевыми, честное слово, поверила бы. Валерия шумно вздохнула и попыталась опереться на Стаса. Тот не растерялся и с ошалелым видом быстренько пристроил ее в перевернутое вверх колесиками кресло, в итоге она оказалась на полу. Пола легкого утреннего халатика распахнулись, явив присутствующим стройные ноги хозяйки дома. В принципе, ничего страшного, положение усидчивое, пасть ниже некуда.

– Хотя... не исключено, что все это мне приснилось, – милостиво внесла коррективы подруга. – Ну, вы меня окончательно запутали, теперь уже и сама не пойму, где сон, а где явь. Стас, зачем вы ко мне вломились?

– Да я вообще-то рано встаю, – брякнул он, не задумываясь.

– И что с того? – посуровела Наташка. – Я давно замужем и в порядке исключения до сих пор счастлива в браке, но делиться этими сведениями в шестом часу утра с тобой не собиралась.

– Ему показалось, что дверь у тебя приоткрыта, – мигом пришла в себя Валерия, загорая живая мужа. – Он сбегал за мной, и мы вместе... Словом, если уже все проснулись, давайте по кофейку.

– Я пас, – твердо заявил Дмитрий Николаевич. – Мне бы еще с часок поспать. В голове тьма беспробудная.

– Для «каменной стены» это нормально, – обворожительно улыбнулась ему Наташка.

– В моей голове хоть что-то наличествует, – гордо парировал муж и отправился досыпать.

– Ир, ты слышала? Кажется, он считает тебя пустоголовой. Похоже на манию величия в высшей степени неприличия.

Из коридора донеслось негодующее фырканье, но возвращаться Димка не стал, а Наталья продолжала рассуждать о его безответственности. Дел неувпоровот, а у Ефимова спячка. Наслушался рекламы, думает, заплатил налоги и все, можно дрыхнуть. Да кто этой рекламе верит! Если так и дальше пойдет, будет досыпать на нарах. Из-за него так и не сообщили о совершенных преступлениях – труп в яме заброшенного участка и ограбленном Кики-море. Фома неверующий. Положим, вчера было слишком поздно тащиться к яме, но сейчас-то реально проверить обоснованность наших заявлений.

Пока подруга разглагольствовала, отвлекая все внимание на себя, я следила за реакцией Полетаевых. Лера откровенно нервничала, а в уголках губ Стаса, еще пугающих свежими шрамами после пластической операции, таилась усмешка.

– Ну, я не знаю... – замялась Валерия. – Вообще-то Стасу рано садиться за руль. Вчерашним вечером была экстраординарная ситуация... Вы заблудились... Он просто не мог оставить Дмитрия Николаевича без помощи. Кстати, куда вы направлялись?

Я бойко оттарабанила отрепетированную легенду, но Наташке она показалась суховатой, и подруга, к моему ужасу, принялась расписывать в красках удивительное гостеприимство и прекрасный дом семьи каких-то Кузякиных.

– Кузовковых, ты хотела сказать, – Валерия прищурила карие очи. – Дмитрий Николаевич назвал своего друга по фамилии Кузовков.

– Да кто бы возражал, – пожала плечами Наташка. – Он Кузовков, она Кузякина, все равно вместе они пара. У нее дочь от первого брака, зачем ей менять фамилию? Потом при оформлении разных там документов сложностей не оберешься. А ты зачем спрашиваешь, если все лучше нас знаешь? Или это намек на то, что нам необходимо отчаливать? Ир, буди Ефимова, уже почти десять минут проспал.

Лера вежливо уговаривала нас остаться. На том тонком уровне, что предполагает необходимость нашего отказа. Вчерашним вечером или, скорее, ночью она вела себя совсем по-другому. Даже согласилась сподвигнуть мужа на поездку к проклятой яме. Не дожидаясь конечного результата взаимных «реверансов», Стас счел необходимым попрощаться – много работы и неважное самочувствие. И пожаловался, что не может обойтись без помощи жены. При этом выразительно на нее посмотрел и неспешно ретировался к коридору.

– Во как нас боится! Ни на секунду не оставляет жену одну, – отметила Наташка. – Так и не смог понять и с благодарностью оценить мой способ возвращения его из комы. А вдруг и правда умыкнем у него Лерку, да заново выдадим ее замуж.

Валерия вознамерилась немедленно сделать нам в дорогу бутерброды. Я попросила ее не торопиться. В данный момент Дмитрия Николаевича так просто не поднять. Раньше чем через пару часов будить не стоит. Можно нарваться на неприятности. И предложила альтернативу: пока моя вторая половина спит, первая в целях экономии времени займется делом. Вместе с Натальей Николаевной на нашей машине скатаем в пустующий коттедж, проверим запоры на дверях и содержимое ямы.

Валерия оторопела, но не от цели предполагаемой поездки.

– Вы водите машину? – От вопроса веяло легкой паникой.

– Только в исключительных случаях, – сделав вид, что не заметила этой маленькой странности, пояснила я. – За руль сядет Наталья, она у нас профессионал.

Подруга с достоинством подтвердила свое звание кивком, и обе мы проводили глазами Леру, неуверенно направившуюся к распахнутому окну кружным путем. Сначала она обошла по кругу поверженное на пол кресло, затем взглянула на темный экран телевизора, поправила перед ним волосы и только потом добралась до окна. Едва ли она что-то в нем видела. Слишком

судорожно вцепилась в подоконник, так, что костяшки пальцев побелели. Мы молча ждали продолжения. Оно не замедлило появиться в образе Стаса.

– Вы... этой ночью... – Голос его звучал глухо и неуверенно. – Нет. То есть я хотел сказать, вернее, спросить – куда-то выезжали?

– Фига себе! – прогудела Наташка.

– Не фига себе фига... – поддержала ее я.

– Дурацкий вопрос. – Подруга фыркнула, жалостливо покачала головой и закинула ногу на ногу. – Взбредет же такое некоторым в голову. По ночам да еще в незнакомой местности нормальные люди становятся невыездными. Если, конечно, у них нет *тайных целей*, – с нажимом подчеркнула она. – Например, запланированного преступления или замечания за ним следов. У нас на эти темы точно ничего не запланировано.

Валерия резко обернулась и открыла рот, собираясь что-то сказать, но Наташка ее опередила, спокойно напомнив, что вчера мы достаточно «нагулялись» днем и до позднего вечера.

– Я сварю кофе, – не в тему заявила Валерия и буквально выпорхнула из комнаты, невольно прихватив Полетаева. Дверь осталась полуоткрытой.

Наташка приложила палец к губам, призывая к молчанию. На сей раз фыркнула я. Можно подумать не понимаю, что Полетаевы подслушивают под дверью. Чудная баба Лерка, право слово. Выдает себя своим поведением полностью. Что же они с Полетаевым натворили?..

И тут меня понесло. Чтобы окончательно усыпить бдительность супругов, я попеняла Наташке за мрачную трактовку «тайных целей». Есть же для них и более подходящие варианты. Их и можно обсудить. Например, такое развеселое мероприятие, как вакханалия.

– Очень надо поминать мужицкий разнузданный разгуляй, – поморщилась она. – Сколько семей из-за него развалилось.

– Извиняйте... Изначально мужики тут были сбоку припеку. Несмотря на стремление к моногамности, примкнули к вакханалиям не сразу, а уж как примкнули!.. Ну, да какой с них спрос, если сам прародитель Адам был двоеженцем. Как известно, яблоко от яблони...

– Да, еще те фрукты, – лениво согласилась подруга, зевнула и потянулась. – Зря ты не лучшую половину человечества выгораживаешь. Вакханалия – производное от слова Вакх. А это божество истинно мужского рода, покровитель мужицких загулов.

– И все-таки ты не права. Организация этих «потешек» принадлежит как раз женщинам. Две ночи в году – шестнадцатого и семнадцатого марта – римлянки собирались в роще возле Авентийского холма и отрывались по полной программе. В честь бога Вакха, но без приглашения мужского сословия, а потому тайно. Мало ли, любимые приревнуют к божеству. Им все равно к кому, хоть к сандалиям. Со временем покров таинственности с этого мероприятия был снят, разумеется, не без давления со стороны мужчин.

– Ну да, разве ж они упустят повод лишний раз повеселиться, – проворчала Наташка, указывая мне глазами на дверь.

Я оглянулась и ничего подозрительного не заметила, тем не менее, пока Наташка продолжала развивать тему, на цыпочках отправилась к двери. Рванув ее за ручку на себя, едва успела посторониться...

Не иначе как горный козел служил у Стаса в качестве гуру. Этакий замечательный рогоносец. С кофемашиной в руках Стас безмолвно ринулся вперед, элегантно перемахнул через поверженное кресло, ловко избежал стыковки со стулом и едва не загремел вниз через открытое окно. Затормозил руками, вовремя раскинув их в стороны. Кофемашина с громким стуком шарахнула по раме и свалилась на пол.

Воцарилась напряженная тишина, которую следовало чем-то заполнить. Наташка и заполнила, сделав вид, что ничего не случилось. Напомнив Стасу, что в ногах правды нет, предложила ему присесть. А мне – продолжить прерванный на самом интересном месте рассказ. Стас что-то пробормотал и занялся изучением рамы, а затем и останков кофемашины.

– Что уж тут продолжать, – отмахнулась я. – Как только на вакханалиях появились мужчины, сроки проведения гулянок сразу изменились. Вместо двух ночей в году стали проводиться пять раз в месяц. Гулять так гулять. Мало того, они приобрели характер диких оргий. И еще на них планировались разные преступления, в основном убийства и политические заговоры. Сенат попробовал упорядочить и взять под контроль проведение вакханалий. Ты знаешь, что у нас проведение массовых собраний и митингов осуществляется по получении соответствующего разрешения властей. Так вот: эту практику почерпнули из исторического прошлого. Правда, инициатива Сената потерпела фиаско. Кончилось тем, что он был вынужден запретить вакханалии, но к тому времени они уже были широко распространены по всей Италии. Запреты участниками игнорировались. Даже смертная казнь не пугала. Только время расставило все по своим местам... С прилетом, Стас! Я знаю, что в гостях свою волю не творят, но, кажется, кофеварке здесь на место. Для нее больше всего подходит кухня. Или ты заблудился?

– Следует быть предусмотрительнее, когда собираешься выходить. Зачем срывать с петель дверь? Она прекрасно открывается нормальным способом, – сквозь зубы процедил Полетаев. – Кофемашина сломалась. Посмотрю, что с ней случилось, а может, отвезу в ремонт. Лера просила сказать, что завтрак готов, добро пожаловать к столу.

– Какой-то голос у тебя, Стас, пересушенный. После такого приглашения кусок в горло не полезет, – отметила Наташка, явно рассчитывая на извинения и уговоры. – Будешь пролетать мимо жены обратным рейсом, вырази ей нашу благодарность. Пожалуй, мы откажемся.

– Ну как пожелаете. Я не хотел говорить... – Он покосился на меня. – Под утро собирался предпринять еще одну попытку найти вашего Кикимора. Приготовил для него одежду, но Лера не пустила. А кофе великолепный, зря отказываетесь, я его на столе оставляю. Если что, пока буду в своем кабинете, много работы. А еще нам с Валерией придется отъехать. Она ненадолго, а в отношении себя не знаю. Возможно, на несколько дней. Пожалуйста, дождитесь Валерию, – весьма невежливо буркнул Полетаев и поспешно вышел из комнаты. Наверное, боялся, что задумаем уезжать.

– Вот те раз... – обиженно проворчала Наташка. – А ведь ни один из них и не вспомнил о своей серебряной свадьбе. Словно и не они зазывали Ефимова отметить это событие. А этот Стас вообще не джентльмен. Вроде бы я ничего обидного не сказала. Кажется, от нас хотят избавиться. Ненавижу, когда мне навязывают чужие решения. Блин, как назло безудержно кофейку захотелось. И маленький такой бутербродик с вредной колбаской...

– Сорок шестого размера подметки кирзового сапога, – мечтательно добавила я и тут же поправилась: – Напополам.

– На чужой каравай рот не разевай! – живо возразила подруга. – Впрочем, если хочешь, разевай. Только долго в таком положении не сиди. Ладно, пусть Полетаевым хуже будет. Больше никогда в жизни в гости к ним не поеду. А ты заметила, как Лерка переменялась? В больнице такой несчастной прикидывалась, на жалость и участие напрашивалась. И эта ее, сестричка самозваная... Какого лешего нас сюда заманила? Неужели Лерка и ей лапши на уши навешала? А теперь делает вид, что никакой сестры или подруги по имени Светлана у нее не имеется.

– Она заманила не нас, а Димку. Но вот зачем? Дмитрий Николаевич определенно о чем-то догадывается, но рассчитывать на то, что разговорится, не стоит. Значит, так: предлагаю и в самом деле скатать к пустующему коттеджу. Безотлагательно! Утром это не страшно, тем более что внутрь заходить не будем, только заглянем в яму. Димка спит, не будить же его для получения разрешения. Кстати, странная спячка. Такое впечатление, что он всю ночь где-то мотался. Либо его угостили снотворным, чтобы он всю ночь где-то не мотался. Например, следом за Полетаевым. Слушай, а ведь дорогу в Лискино я не помню.

– Зато я помню. Профессиональное чутье водителя на уровне автоматизма. Даже ночью не подводит. Заблудившись, мы с тобой, ног не жалея, дали изрядный крюк по лесу. Непо-

нятно, как Ефимов нас вообще отыскал. Едем! Надо только переодеться. Вещи на сушилке в ванной, кстати, ты вчера отправилась дрыхнуть, а я их в поте лица в стиральной машине муздыкала. Хорошо агрегат автоматический, успела без отрыва жуткий фильм посмотреть. Обдохоталась. – Подруга на пару секунд задумалась. – Вот только твое платишко придется выкинуть. В твоём возрасте носить прикид из лоскутов как-то неприлично. Поедешь в Леркином халатике. Не знаю, как быть с обувью. Раскисла. Не пришлось бы подошву подвязывать к ногам веревочкой. В принципе, ничего страшного. Носили же древние греки сандалии на веревочках, чем мы хуже? Дай боже, чтобы Ефимов раньше времени не проснулся.

8

Дав очередной приличный крюк в поисках верного маршрута, мы случайно добрались до заправки, заправились и, уточнив направление, все-таки выехали на знакомую дорогу. Определили ее в качестве таковой случайно. Уже разворачиваясь в обратную сторону, удачно потревожили правым передним зеркалом куст бузины. В отместку он стащил с зеркала мои туфли, висевшие на зеркале наперевес. На противоположной стороне точно так же болтались Наташкины. По ее мнению, натуральный фен – ветерок – лучшее средство для окончательного завершения их мелиорации. Очень кстатигодились веревки, длительное время без дела валявшиеся у Димки в багажнике.

Вылезая из машины за обувью, я наткнулась на обертку от презентованной нам вчера Валерией шоколадки. Сразу стало ясно: мы на верном пути. До деревни Лискино было рукой подать.

Уже на выезде из леса решили лишний раз не светиться перед жителями и собаками деревни. Утро уже не раннее, погода прекрасная, у магазина наверняка сходка, толпится народ. Съехав с дороги, Наталья придирчиво выбрала место стоянки, припарковалась в гуще кустов, своеобразными кружевами окаймлявших опушку леса. Я раза три-четыре проверила наличие в кармане мобильного.

Идти босиком по влажной траве, вытянувшейся в напрасных поисках яркого солнечного света, было не очень приятно. Но в разъезжающихся туфлях на каблуках было еще хуже. Они ярмом висели на шеях.

На время мы смолкли, старательно смотря себе под ноги. Именно поэтому едва не прошли лишние метры. Выйти на деревенскую улицу так и не решились – не смогли подобрать для любознательных селян уважительной причины, по которой вторично заявили на заброшенный участок. Неизвестно откуда, каким образом, к тому же опять в неподобающей одежде и обуви. В смысле, босиком.

Как и в прошлый раз, на участок проникли через дыру в заборе. Не поднимаясь с колен и замерев рядом с лазом, невольно залюбовались вольготно цветущим «ковровым» покрытием. Накануне такого великолепия не наблюдалось. Оно и понятно, было поздно, а у цветов строгий распорядок дня. Укутавшись собственными лепестками, они мирно спали.

Слух тешило птичье щебетание, глаз радовали не только цветы, но и их разноцветные «бантики» – бабочки. Даже коттедж мрачным не выглядел, хотя от него и на расстоянии веяло запустением. Никаких странных личностей в окнах не наблюдалось. Я даже засомневалась, а не померещилась ли нам вчера чья-то физиономия?

– Ну, хватит таращиться по сторонам, – вздохнула Наташка. – Если вечером в доме кто и был, то сплыл. Бомж какой-нибудь. Мы его спугнули. Ир, не могу понять, где яма... Нет!!! Не двигайся, вдруг ты на крышку наступишь, а крышка на ребро встанет. Сразу яму отыщешь, вернее, она тебя. Прислонись к забору, только аккуратно, не повали секцию.

Памятуя о своей хронической невезучести, я подчинилась. Не так давно меня угораздило основательно застрять в куче строительного мусора, в основном арматуры и еще каких-то железяк, скрещенных с бетонными огрызками. Мы с Наташкой решили сократить путь до поликлиники, пройдя через территорию новостройки. Я забыла мудрую подсказку о том, что умный в гору не пойдет... Точнее, не забыла, а просто очень отвлеклась на пререкания с Наташкой, на короткое время утратившей бдительность и выпустившей меня из виду. Поотстала подруга, решив лишний раз протереть от пыли носки своих туфель. Разумеется, я застряла на самой вершине кучи. Стащить меня оттуда без риска для жизни было невозможно, разобрать завал Наташке не хватало ни времени, ни сил. На счастье объявился экскаваторщик. На несчастье Наташка долго не могла привлечь его к спасательным работам. Казалось бы, за свои не меньше

чем пятьдесят с лишним лет он должен был всякого повидать, но при виде моей застывшей фигуры в позе спортсменки, приготовившейся к старту на беговой дорожке, замер с разинутым ртом. Наташкины обещания бесплатно обследовать его здоровье и здоровье всех родных и близких у высококласных специалистов, а равно позолотить ему спасательные ручки успеха не имели. Наконец она договорилась до того, что пообещала стать ему родной матерью. Наверное, он устал от своей, поскольку отвлекся от созерцания моей персоны, перевел взгляд на Наташку и резво подался в бега. Мы было решили, что исчез он с концами. Подруга корила себя за свою порядочность, не позволявшую ей предложить себя немолодому человеку в роли любовницы. Шмыгая носом, я сверху пыталась поддержать правильность ее моральных устоев. Ссылаясь на правила поведения, господствовавшие у наших мам и бабушек в нежном девичьем возрасте: «Уми, но не дари поцелуя без любви». Лирические переговоры были грубо прерваны трехэтажным матом. Вернулся экскаваторщик. Да не один, а с подкреплением. Вчетвером они, не прерывая матерных изысков, довольно быстро обеспечили мне относительно безопасный сход с горы. Денег не взяли, сославшись на то, что такой цирк не всем повезет увидеть. Хотели даже подарить кусок арматурины, ранее обеспечивавшей мне слегка подвешенное состояние, но я не взяла...

Наташка оперативно бороздила растительное пространство, постепенно отходя вглубь участка. Прихватив лишку, распрямилась, заложила руки за спину и, охнув, прогнулась назад. Немного постояла в таком положении, тихонько причитая, и продолжила поиски в обратном направлении. Вскоре упертость подруги была вознаграждена, но не так, как хотелось бы. Немного поковырявшись в земле, она вновь распрямилась и с досадой хлопнула себя по бедрам.

– Вот блин! Накрылась наша яма землей и свежим дерном! А крышку отправили на переплавку. Полетаев не зря отсутствовал ночью. Его рук дело. Зачем им это надо, а? Может, прямо спросить у них?

– Не выдумывай. Вдруг Полетаевы здесь ни при чем? Людей обидим и себя в дурацком свете выставим. Для начала надо хоть немного разобраться в этой галиматье, – простонала я, морщась от боли и растирая правую ногу.

– Да ладно тебе ваньку валять. Обе мы отметили странность поведения супругов. Если до этого момента я просто предполагала, что в яме спрятан чей-то труп, то теперь эта уверенность окрепла. Не уголь же из нее добывали. И хватит сидеть, иди полюбуйся на бывшую яму. Только альпийской горки не хватает.

Прихрамывая, я подошла к Наталье и уставилась на куски дерна, которые подруга отложила в сторонку. Ранее они и в самом деле прикрывали утоптаный квадрат свежей земли. Я опустила на колени и, сама не знаю зачем, ее понюхала.

– Ну что? – поинтересовалась приплясывающая от нетерпения Наташка.

– Ничего, землей пахнет. Давай-ка уложим дерн обратно. Не раскапывать же эту яму руками.

– Не лезь, я сама. У тебя так не получится, – отстранила меня Наташка и принялась аккуратно пристраивать куски дерна на место. – А ты не допускаешь, что яму мог закопать кто-нибудь из бывших обитателей этого коттеджа? Вдруг сюда из-за границы прибыл сам хозяин или его курьер? Инкогнито. Ну не удалось бывшему руководителю ЖКХ одним разом вывезти из России все награбленное, вот и прикопал его до поры до времени. В данный момент час пробил.

Мы синхронно обернулись и посмотрели на дом. Он по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. От окружающей его территории веяло покоем и беззаботностью.

– Надо проверить замки на дверях, – пробормотала я, выплюнув изо рта травинку, которую неосознанно жевала. – Если вчерашний визитер проник в дом через дверь, не сломав ее, значит, у него был ключ или отмычка. Есть еще один путь – через открытое окно, но с этой

стороны такового не наблюдается. Два по-прежнему заколочены досками. Посмотрим с других сторон.

– Легче сломать дверь, чем лезть в разбитое окно на такой высоте. Не меньше двух метров от земли, без лестницы не обойтись. Представители воровского сословия не любят публичной демонстрации своих действий и технических приспособлений. Сомнительно, чтобы они таскались по деревенской дороге с подсобным материалом. А ломиться с лестницей через лес тоже проблематично. Ладно, пойдем проверим. Туфли оставим здесь, заберем на обратном пути, как попутный груз.

Обсуждая на ходу дополнительные варианты, с помощью которых, на наш взгляд, можно было проникнуть в дом (самый экзотический – через дымоходную трубу), мы обошли его по периметру. Разбитых окон не обнаружили. Заодно полюбовались на застекленную галерею, соединявшую основное строение со вспомогательным – небольшим двухэтажным домиком со стрельчатыми окнами. Коттедж под зеленой черепичной крышей был отделан сайдингом цвета топленого молока, домик же почему-то облицевали отделочным кирпичом. Это вносило некий диссонанс в общую картину.

Поднявшись на крыльцо коттеджа, мы убедились в исправности двери и запоров. Оставалось только проверить дверь маленького строения. Впрочем, мы были уверены, что и с ней все в порядке, а посему решили махнуть на это дело рукой. Уж очень велико было желание скорее покинуть чужую территорию. Не иначе как в наказание за непоследовательность судьба решила подкинуть нам неприятный сюрприз. С помощью Наташки. Судя по поговорке, в определенных случаях левая нога отдельных индивидов не знает, что делает правая. В то время как правая нога подруги целенаправленно шагнула вниз сразу через две ступеньки крыльца, левая замешкалась. Все произошло очень быстро. Наталью занесло на перила, в обнимку с ними она и застыла. Я, разумеется, тоже – ждала продолжения ее показательного выступления и надеялась на лучшее.

Обычно после подобных сцен Наташка наставительно заявляла, что мне с моей врожденной рассеянностью надо быть внимательнее и не пытаться повторять ее фортели. Однако она повела себя странно. Повернув ко мне напряженное перепуганное лицо, подруга смотрела в небо и молчала, а главное, не желала отлипнуть от перил. У меня даже мелькнула мысль, что они густо смазаны клеем для ловли мышей. Убойная штука! Димка приобрел эту не застывающую липучку на дачу и решительно открыл в гараже сезон охоты. В первую же ночь к десяти картонкам со щедрой приманкой помимо мышей прилипли три наши кошки, две с половиной чужие собаки (одна половинчатая псина удрала вместе с орудием ловли на боку, мы его не досчитались) и я, неудачно попытавшаяся освободить своих кошариков. Димка все утро оголтело носился по участку за персидской «княжной» Плюшкой в попытке отодрать от ее шикарной шерсти картонный «подарочный набор» из пяти серых грызунов. Собаки разобрались между собой сами. После освобождения все кошки были подвергнуты принудительному постригу в партию лысых, ибо клей ничем не смывался. Тем более указанным в аннотации бензином. В последнюю очередь щадящим способом стригли меня.

– Пенал, – неожиданно ясно вымолвила Наташка, и я тоже посмотрела в небесную высь. Ничего похожего на пенал там не было, но на всякий случай я глубокомысленно агагнула. – Пенал, говорю, – повторилась подруга. – Внутри перилины. Раньше для школьников такие делали. Деревянные, но поменьше. Я его нечаянно открыла.

– Тайник! – ахнула я совершенно безрадостно. – Только бы не с драгоценностями. Хватит с нас неприятностей. Может, ты эту деревянную фигню опять закроешь, да и пойдем отсюда восвояси.

– Мне в руку что-то похожее на ключи выскочило. Хотя и тяжеловатые, но не могу разжать. А если разожму, выроню «выскачку».

– Слишком руки у тебя загребушие, – повысила я голос. – Первым делом оставь в покое перила, а находка пусть падает. Она не наша, не жалко.

Наталья слишком поспешно отпрянула от перил. Из правой руки выскочила и, позвякивая, запрыгала на резинке связка ключей. Я не долго на нее любовалась. Оттеснив Наташку в сторонку, попыталась пристроить связку назад, но руки тряслись и ключи все время вылетали, продолжая свои издевательские подскоки. Я так и не поняла, каким образом стянула их с резинки.

– Руки – крюки! – ожила подруга. – Положи их под коврик. Кому надо – найдут.

– Коврик для начала неплохо бы раздобыть, затем притащить сюда. Попробуй сама записать связку в пенал.

– Дай сюда, – раздраженно выхватила у меня ключи Наташка и, взглядевшись в них, помянула дорогую маму. – Иришка, похоже, один из них золотой.

Я недоверчиво уставилась на троицу ключей, уютно лежавших на ладони Натальи. Самый маленький из них, с затейливой витой головкой, жаром горел под прямыми лучами солнца. На сей раз уже я помянула дорогую маму и высказала предположение, что ключ, возможно, не золотой, а позолоченный. В качестве обоснования сослалась на то, что мы с Наташкой совершенно не похожи на Буратин.

– Если только содержанием буйных головушек, – тряхнув связкой, попыталась улыбнуться подруга и хотела еще что-то добавить, но не успела.

Из-за угла дома слышались приглушенные мужские голоса. Явно раздраженные. Удалось расслышать только: «...урою сволочь! Главное – никаких свидетелей». По-видимому, визитеры тоже не желали афишировать свой визит деревенским жителям и попали на участок нашим проторенным «подзаборным» путем.

– Мы не Буратины, мы свидетели. Те самые – обещанные «никакие», – испуганно прошептала Наташка, и мы, в одно мгновение слетев со ступенек крыльца, понеслись за другой угол коттеджа, а оттуда, не разбирая дороги и уже не прячась, к дыре в заборе. Мне показалось, что нас окликнули. Недобрым словом. Но останавливаться и уточнять это обстоятельство я не стала. Брала пример с Наташки, активно сверкавшей пятками впереди. Уже загружаясь в машину, вспомнили, что наши многострадальные туфли так и остались валяться в траве. Но было не до них. Наташка заявила, что нечего их жалеть – они сами виноваты. Разворачиваясь к дороге, она резко затормозила и, бросив руль, продемонстрировала мне растопыренные пальцы рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.